18+

ЮРИЙ ЮРЬЕВ

РЫЖИЙ И ТЁМНЫЙ

Юрий Юрьев

Рыжий и Тёмный

«Издательские решения»

Юрьев Ю. Х.

Рыжий и Тёмный / Ю. Х. Юрьев — «Издательские решения»,

Человечество, лишённое электричества в результате военного конфликта, отброшено в своём развитии в средневековье. Роману Соболеву, проживающему в селе Кобыльцы́, приходится нелегко. Из-за того, что он Рыжий, имеющий необычные способности, кто-то его уважает, а кто-то боится, считая чёрным магом. Когда же в общине действительно появляется Тёмный, творящий кровавые злодеяния, Роману нужно не только доказать, что это не его рук дело, но и уничтожить дьявола, вселившегося в одного из жителей села.

© Юрьев Ю. Х.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Рыжий 6
Глава 1 6
Глава 2 17
Глава 3 26
Глава 4 33
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Рыжий и Тёмный

Юрий Харлампиевич Юрьев

Все имена и фамилии персонажей, а также географические названия придуманы автором. Любые совпадения с реальными людьми и населёнными пунктами — чистая случайность.

Дизайнер обложки Наталья Подгорная

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2026
© Наталья Подгорная, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5959-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Рыжий

Глава 1

Внезапный громкий стук в окно неожиданно разорвал благостную тишину, царившую в сельской избе. Мужчина, спавший на широком стареньком топчане, поверх которого был положен сенник, встрепенулся. Его густые ярко-рыжие волосы, беспокойно разметавшиеся по подушке, набитой ароматной луговой травой, всколыхнулись и снова замерли. Звали мужчину Роман Соболев, и на данный момент ему было тридцать шесть лет. Благодаря своему росту и крепкому телосложению, которое получил в наследство от отца, он занимал чуть ли не половину большого топчана. Прошло всего лишь несколько часов с того момента, как Роман погрузился в глубокий сон, и сейчас, ещё наполовину пребывая в непонятном промежуточном состоянии, он никак не мог понять, что же его разбудило. Весь вечер и половину ночи Соболев промучился от головной боли, которую никак невозможно было обуздать. Аптечных лекарств уже давно ни у кого не водилось, как не было в селе и самой аптеки, а народные средства, которых на данный момент существовало довольно много, тоже не помогали. Попробовав один раз заварить себе травки и не получив никакого результата, Роман больше не стал пытаться себя лечить. Со временем он понял, что причиной болей в голове были вовсе не патологические изменения в организме, а совсем другое: голова у него всегда начинала болеть в преддверии какой-либо беды. Боль служила своего рода индикатором каких-то негативных событий, которым предстояло свершиться в ближайшее время.

Всё ещё не понимая, что именно послужило толчком к пробуждению, Соболев откинул в сторону простыню, грубо сотканную из плотного крапивного волокна, и, опустив ноги на деревянный пол, присел на край топчана. Тот недовольно заскрипел рассохшейся древесиной, но больше никаких эмоций проявлять не стал. Достав из-под подушки кусок белой ленты, Роман привычным движением, доведенным за много лет до автоматизма, ловко собрал волосы в плотный хвост. Густые и тяжёлые, наполненные живой жизненной энергией, они являлись предметом зависти многих сельских девушек и женщин. В их селе, которое носило забавное название Кобыльцы (с ударением на последний слог), большинство мужчин носили длинные волосы, но таких роскошных, как у него, пожалуй, не было больше ни у кого.

На улице только-только начинало светать, поэтому в комнате было ещё темно. Благодаря своему острому нечеловеческому зрению Соболеву не понадобилось зажигать масляную лампу, чтобы осмотреться вокруг. Примитивный светильник, слегка закопчённый у самого фитиля, который Роман обычно зажигал своим взглядом, принадлежал к множеству глиняных вещиц, изготавливаемых их гончарной артелью. Сейчас он бледной тенью одиноко стоял на краю крепко сбитого из досок стола, расположившегося рядом с топчаном. Стол был застелен светлой льняной скатертью, на которой в дневное время можно было увидеть широко расплывшиеся пятна от пролитого масла.

В небольшой уютной спальне, где, кроме описанных выше предметов мебели, имелись ещё платяной шкаф, пара дебелых табуреток да несколько полок для всякой мелочи, было душно. Воздух стоял неподвижный, плотный, будто загустевший от зноя кисель, и каждый вдох давался Соболеву с некоторым усилием. Пахло дымком, травами, которыми были набиты сенник и подушка, а также подсолнечным маслом, питающим лампу. По календарю был июль, и на улице уже который день стояла жаркая погода, но открыть ночью окно, чтобы проветрить помещение, Роман просто забыл. Вчера, мучаясь жуткой головной болью, было не до этого, и вот теперь ему казалось, что в комнате почти не осталось кислорода.

В поиске источника шума, разбудившего его в столь ранний час, Соболев оглянулся по сторонам. Его сонный взгляд по привычке задержался на электронных часах, висевших на стене. Как и много лет назад, стрелки показывали без пятнадцати минут девять. Пожалуй, из всего, что имелось в доме, это была единственная вещь, которая никаким образом не вписывалась в преобладающую здесь обстановку, особенно если учесть, что в избе отродясь не было электричества. Часы были хотя и старыми, но ещё сохранили свою былую привлекательность. Их корпус был выполнен в виде позолоченного рыцарского щита каплевидной формы, в середине которого располагался круглый циферблат с цифрами, написанными в готическом стиле. Сам щит был украшен красивыми старинными вензелями и надписями на латыни, а вверху по краям виднелись ручки коротких мечей.

Много лет назад вместе с другими необходимыми для жизни вещами, захваченными при переезде, родители зачем-то прихватили и этот, давно уже ставший бесполезным предмет. Роман ещё помнил то время, когда часы шли, а сейчас, после того как не стало электричества и уже давно умерли его отец и мать, он так и не решился сдать их в местный музей. Каждый раз, бросая привычный взгляд на запылившийся и слегка пожелтевший от времени циферблат, он давал себе слово, что завтра обязательно отдаст их Николаю Борисовичу Спокойному — директору сельского музея. Однако снова и снова Соболев по непонятной причине откладывал это на следующий день. Возможно, таким образом он пытался сохранить память о своих родителях, а может быть, Роман подсознательно надеялся на то, что, несмотря на три десятилетия, прошедшие после мировой катастрофы, на планете вновь появится электричество и часы снова пойдут.

— Роман Игоревич, — послышался приглушённый оконным стеклом тревожный мужской голос. Этот голос был хорошо знаком всем жителям села. Он принадлежал председателю общины Фёдору Тимофеевичу Румянцеву. Вновь раздался деликатный, но настойчивый стук в окно. — Роман Игоревич! — вновь повторил председатель.

Соболева, учитывая его возраст, ещё вполне можно было считать молодым мужчиной, однако с недавних пор все, кто к нему обращался, и даже старики, стали величать только по имени-отчеству. Объяснялось это довольно просто. В их далеко не маленьком селе сейчас проживало более полутора тысяч человек, но из всех жителей только у него, Романа, в данный момент были ярко-рыжие волосы. Этот цвет свидетельствовал не о чём ином, а о его принадлежности его к светлой ангельской касте. Вот только, несмотря на то, что все вроде бы об этом знали, отношение односельчан к Соболеву до сих пор оставалось неоднозначным. В сущности, все Рыжие были настоящими магами, так как умели делать много такого, что не по силам обычному смертному. Человек с ярким цветом волос, имеющий в своей душе кристалл ангельской сущности, мог вызывать или останавливать дождь, силой мысли зажигать огонь… Но главной и, пожалуй, самой важной его способностью было умение руками избавлять людей и скотину от всевозможных хворей. Кто-то из односельчан спешил к Роману по любому поводу, но многих, особенно верующих людей, наличие таких суперспособностей у обычного человека сильно пугало. Их религиозные убеждения заставляли с недоверием и даже опаской относиться к любого рода магии. Вот и получалось, что обращались к Соболеву по имени-отчеству: кто из искреннего уважения, а кто, и таких, пожалуй, было больше, из-за суеверного страха перед сельским «колдуном».

Интересно то, что от рождения и до недавних пор Роман был жгучим брюнетом, за что соседи прозвали его Цыганом. Непонятно каким образом, но когда семья Соболевых в стремлении выжить переехала в Кобыльцы, прозвище перекочевало и сюда. Не исключено, что просто кто-то из родителей однажды упомянул его в разговоре с соседями.

Возможно, Роман так до конца своих дней и прожил бы Цыганом, если бы пару лет назад его густая шевелюра вдруг не порыжела. В ту ночь, в общем-то ничем особым не отличавшуюся от множества других, в его тело, как поговаривали некоторые люди, вошёл дух Ангела. Своё

появление светлая сущность ознаменовала изменением у мужчины цвета волос и проявлением в нём незаурядных способностей. С тех пор Соболева освободили от привычной общественной работы в поле, где он до этого трудился от зари до зари. Теперь мужчина стал заниматься исключительно лечением людей и домашнего скота, да помогать односельчанам решать некоторые другие бытовые проблемы. Ну а детское прозвище, которое, казалось, прилипло к нему навечно, быстро позабылось, словно его никогда и не было.

До этого времени в Кобыльцах уже проживали два Рыжих. Тот, что постарше, дед Трофим, мудрый и знающий своё дело потомственный целитель, умер своей смертью, а Пётр Касьянов, которому едва перевалило за сорок и который сменил Трофима после смерти старика, внезапно куда-то пропал. После того как в округе установились некоторая стабильность и прекратились налёты бандитов, вновь прибывавшие в Кобыльцы семьи начали осваивать территорию за пределами высокой защитной стены, окружающей село. С недавних пор там даже вырос небольшой посёлок. Должно быть, Касьянов и направлялся в одну из тамошних семей, да только почему-то не дошёл. Ходили слухи, что его подкараулили и лишили жизни в безлюдном месте приверженцы традиционной религии, но доказать это никто не мог. Поэтому слухи так и остались слухами, а в Кобыльцах некоторое время Ангел, будто чего-то опасаясь, больше ни в кого не вселялся, и Рыжих не имелось.

— Да, — отозвался Роман немного хрипловатым голосом, рывком поднимаясь с топчана. Усилием мысли он, наконец, привёл свой организм в состояние бодрости. Тревога, прозвучавшая в голосе председателя, передалась и ему. После такой кошмарной головной боли, какая была у него вчера, Соболев не сомневался, что произошло что-то из ряда вон выходящее. — Сейчас выйду, — крикнул он в сторону закрытого окна уже чуть громче.

Натянув лёгкие льняные шаровары и белого цвета рубаху, Соболев ловко завязал поверх неё такого же цвета пояс. Одевшись, он поспешил на выход. Распахнув дверь, которую не запирал на засов ни днём, ни ночью (к Рыжему в дом без его ведома вряд ли кто решится войти), Роман шагнул за порог. После душной комнаты раннее утро встретило его приятной прохладой, окотившей всё тело от босых ступней до макушки головы лёгкой свежестью и запахом трав. У крыльца его уже поджидал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Румянцев. Невысокий коренастый мужчина пятидесяти трёх лет с короткими седыми волосами, он чем-то напоминал ленивого неповоротливого медведя. Вот только впечатление это было очень обманчивым. Когда было нужно и этого требовали обстоятельства, Фёдор Тимофеевич показывал настоящие чудеса подвижности и проворства.

На круглом морщинистом лице председателя застыла тревога, и ярче всего она читалась в его взгляде: он старался смотреть прямо и твёрдо, но глаза то и дело беспокойно скользили по сторонам, будто искали, за что зацепиться, чтобы не выдать страха. Обычно розовощёкий, что очень гармонировало с фамилией Румянцев, сейчас Фёдор Тимофеевич был бледен, как льняное полотно, вытканное женщинами общины. Его бледность не мог скрыть даже плотный загар, не сходивший с лица с весны и до самых осенних холодов.

— Что случилось, Фёдор Тимофеевич? — спросил Роман, не отводя взгляда от выцветших и побелевших на солнце глаз председателя.

— Дарья Морозова… иссохла… — выдохнул Румянцев и умолк, словно избавившись от тяжёлого груза. Казалось, что силы покинули его и он больше не может сказать ни слова. Только Соболеву больше и не нужно было ничего говорить. Новость, которую принёс ранний визитёр, могла хоть кого повергнуть в шок и говорила лишь об одном: в их общине появился Тёмный.

Однако Роман не был ни удивлён, ни испуган. Он прекрасно понимал, что спокойная и беззаботная жизнь общины долго не продлится, и рано или поздно это всё равно случится. Время от времени до жителей Кобыльцов доходили слухи о том, что где-то там, в далёком от них посёлке или городе, в человека вселялся дьявол и тот начинал творить невероятные

по своей жестокости вещи. Поэтому Соболев, просыпаясь по утрам и вечером ложась спать, каждый раз обращался с молитвами к Высшим Силам, прося, чтобы это не произошло у них. До сих пор небеса исполняли его просьбу, но, видимо, всему хорошему тоже приходит конец.

— Пойдём, — коротко сказал Роман председателю. Он прикрыл входную дверь и спустился с невысокого деревянного крыльца. Надевать лапти Рыжий не стал. Подошвы его ног уже давно огрубели и стали привычными к ходьбе босиком: как по дороге, так и по всякому бездорожью. Только с наступлением холодов ему приходилось обуваться в сапоги из-за опасения ненароком застудить организм. Как бы парадоксально это ни звучало, но, помогая всем страждущим, которые к нему обращались за лечением, Соболев не имел возможности так же быстро и легко исцелять себя. Единственное, что работало в его пользу, — это по возможности здоровая еда, которой он теперь ел ещё меньше, чем раньше, умеренная физическая нагрузка и крепкий здоровый сон.

С улицы его двери вообще не имели ни засова, ни проушин для замка. С одной стороны, замки нынче были в дефиците, а с другой — воров в их общине уже давно не было. Обернувшись, словно прощаясь, Роман бросил взгляд на свою небольшую и ещё довольно новую избу. Крепкая и тёплая, её поставили чуть больше десяти лет назад специально для семьи Соболевых. Тогда их семья состояла из пяти человек: он сам, его родители — отец Игорь Михайлович и мать Раиса Никитична, супруга Любушка и дочурка Татьяна. До приезда в Кобыльцы Соболевы жили тоже в селе, только расположенном довольно далеко отсюда. Однако тамошнее начальство никак не могло понять, что времена изменились и очень круто. Председатель правления и все его родственники, засевшие на руководящих должностях, заботились только о себе. Они возомнили себя помещиками, а все вокруг должны были на них работать с утра до ночи. С каждым годом жизнь простых работяг становилась всё хуже и труднее. Большинство селян, как и в далёкие годы, предшествовавшие Октябрьской революции семнадцатого года прошлого столетия, попали в настоящую кабалу и батрачили на семью председателя практически задаром. Многие умерли от голода, болезней и от полученных ран во время нападения бандитов. Семья Соболевых тоже постоянно жила впроголодь. Однако терпеть издевательства над собой они не захотели. Прекрасно понимая, что в других сёлах, а тем более в городах, жизнь может быть не только не лучше, но и значительно хуже, они всё же решили рискнуть. Собрав свои скромные пожитки, Соболевы ночью на телеге, запряжённой одной худой кобылой, покинули село.

Так они и очутились в Кобыльцах. Сразу после переезда они всей семьёй ютились в одной маленькой комнатушке, которую им выделили в бывшем «Доме приезжих». Спали все на полу: сначала подстилая для сна просто солому, а затем сенники — матрасы, набитые всё той же соломой. Когда же своим добросовестным многолетним трудом в общине Соболевы доказали своё право на то, чтобы остаться здесь навсегда, Советом старейшин было принято решение построить для семьи их собственное жилище. Приятным моментом было то, что изба располагалась не за забором, а внутри периметра. Вот только пожить счастливой жизнью в новой избе Соболевым, к сожалению, долго не пришлось. Из-за отсутствия каких-либо лекарств от вспыхнувшей в то время какой-то неизвестной инфекционной болезни, как и многие жители села, сначала скончались родители Романа, а затем та же печальная участь постигла и его жену с дочкой. Небольшая сельская больница, штат которой состоял лишь из пожилого фельдшера и санитарки предпенсионного возраста, ничем помочь инфицированным людям не могла. Самым же обидным было то, что незадолго до того, как вспыхнула эпидемия, куда-то вдруг пропал их местный Рыжий. Пётр Касьянов, несомненно, смог бы справиться с этой проблемой, но, как говорится, видать, такая судьба. С тех пор Роман жил в большой избе один.

Вновь оживив в памяти те трагические события, он тяжело вздохнул. Из будки, расположенной у бревенчатой стены дома, выглянула лохматая собачья морда. Беспородного пса Соболев привёл к себе домой около года назад. Нашёл он его недалеко от сельских ворот. Было

время, когда бездомные собаки, либо потерявшие хозяев в неразберихе событий, либо просто безжалостно выброшенные теми на улицы, дичали, сбивались в стаи и наводили ужас на и без того перепуганных людей. Когда же их поголовье начало увеличиваться, являя свету невообразимые смеси всевозможных пород и грозя превратиться в ещё одну большую проблему, пришлось их просто-напросто отстреливать. В те времена многие оставшиеся в живых люди не брезговали употреблять собачье мясо в пищу, а некоторые даже делали на этом свой небольшой «бизнес». Постепенно вопрос с собаками был закрыт, но некоторые особи всё ещё продолжали проживать в лесах и прочих удалённых от человеческого жилья местах. Роман не смог пройти мимо этого с виду некрасивого, худого и грязного пса с длинным и тощим, точно плеть, хвостом. Именно за эту часть тела тот и получил кличку Кнут. Животное смотрело на человека таким умоляющим взглядом, что сердце Соболева дрогнуло. Он привёл собаку домой, отмыл и накормил. С тех пор преданнее друга, чем Кнут, у него в селе, наверное, и не было. Теперь пёс значительно преобразился. Его шерсть была чистой и блестящей, а некогда прилипший к позвоночнику живот принял вполне нормальный вид. Кнут хорошо знал Румянцева, а потому не стал лаять и поднимать шум, когда тот бродил под окнами, пытаясь разбудить хозяина дома.

— Извини, дружище, — обратился Соболев к собаке, — с завтраком тебе придётся немного подождать. Вернусь — тогда покормлю. — Ещё раз вздохнув, он направился вслед за председателем к выходу со двора. Сзади послышался глухой энергичный стук о дерево — это Кнут, провожая Романа, завилял хвостом, ударяя его кончиком о стенки своего скромного жилища. Мужчины вышли за изгородь, сплетённую, как и большинство ограждений в селе, из веток ивы и, свернув влево, заторопились в направлении избы, в которой проживала семья Морозовых.

Главная сельская дорога, разделяющая населённый пункт почти на равные половины, уже давно лишилась своего асфальтового покрытия и теперь была засыпана гравием. Для передвижения босиком это, конечно, был не лучший вариант, но зато на ней никогда не было ни луж, ни грязи. Улицы, по которым шли мужчины, ещё были пусты, но Соболев знал, что большинство селян уже проснулись. Перед уходом на работу и мужчины, и женщины торопились переделать самые необходимые дела. Стояла тихая безветренная погода, рассветную тишину которой нарушал лишь далёкий лягушачий хор, доносившийся со стороны озера, расположенного за ограждением периметра села, да хруст мелких камешков, перекатываемых под ногами идущих мужчин.

Над крышами изб лёгкой дымкой стелился сизый туман. Он цеплялся за соломенные кровли, сползал по бревенчатым стенам и таял в первых лучах, едва пробивавшихся сквозь бледно-розовое марево рассвета. Воздух был густ от прохлады и запахов ещё не остывшей за ночь земли и сухой травы. Казалось, сама деревня ещё не до конца пробудилась, будто боялась спугнуть хрупкую тишину раннего часа. По обочинам, в густой траве, дрожали капли росы, словно рассыпанные по изумрудному бархату крошечные алмазы.

Всю дорогу Роман шёл молча, погрузившись в свои мысли. Он словно боялся произнесенным невзначай словом усугубить повисшую в прохладном утреннем воздухе безмолвную тревогу, которая ощущалась почти что физически — тяжёлой, вязкой, будто осевшей на одежде вместе с росой. В ней смешивались предчувствие беды и ожидание чего-то доселе неведомого. И только председатель время от времени нарушал течение мыслей Соболева, негромко, точно мантру, повторяя одну и ту же фразу: «Вот же ж халера… Вот же ж халера…»

Пытаясь заглушить нехорошее предчувствие, Роман переключил своё внимание на прошлое. То, что произошло много лет назад, когда он был ещё ребёнком, иначе как апокалипсисом назвать было нельзя. Эти события повергли население всей планеты в состояние хаоса, который продолжался много лет и лишь недавно начал уравновешиваться, создавая впечатление стабильности. В те годы казалось, что сам Всевышний, с волнением наблюдая за тем, что творят люди на Земле и с Землёй, наконец не выдержал этой муки. Словно забыв, что такое

милосердие, он решил жёстко наказать своих неразумных детей, поставив человечество перед извечным вопросом: быть или не быть? Несмотря на то что Роме Соболеву в те годы было всего шесть лет, в его памяти тяжёлой сургучной печатью на всю оставшуюся жизнь впечаталось всё то, что тогда происходило. В то время когда тень апокалипсиса ещё только витала над планетой невидимым призраком, все события широко и красочно освещались средствами массовой информации.

А началось всё с конфликта Соединённых Штатов Америки со странами Ближнего Востока. Янки, пытаясь удержать за собой звание мирового гегемона, в который раз решили показать свою силу и отхватить для себя ещё один большой и лакомый кусок восточного пирога. Пригнав в воды Аравийского моря флотилию, состоящую из нескольких эсминцев и одного авианосца, они начали массированный ракетный и бомбовый обстрел побережья в расчёте на дальнейшую высадку десанта. Ответные удары были малоэффективны, и казалось, что ещё день-другой — и Штаты непременно добьются своего.

Всё резко изменилось в тот день, когда в конфликт незримо вмешался Китай. Страна, к тому времени по многим показателям превзошедшая самые развитые и передовые мировые державы, вдруг оказалась также и лидером в производстве секретного оружия. То не́что, что было создано в их лабораториях, не поддавалось никакой классификации. Его с сомнением можно было отнести к химическому оружию и с большой натяжкой назвать бактериологическим. Видимо, задействовав в своей секретной операции водолазов-лазутчиков, военное командование Поднебесной отдало приказ внедрить этот «вирус» (если можно так назвать гениальное изобретение китайских учёных) на корабли США. Это неизвестное науке сверхсекретное оружие, впоследствии названное американцами «The energy eater» (что в переводе означает «Пожиратель энергии»), в течение нескольких часов превратило эскадру американских кораблей в груду бесполезного металлолома. Как оказалось, «Пожиратель» «питается» не какой-либо плотной материей, а обожает электричество. Каким образом он это делал, так и осталось загадкой, но корабли, оснащённые самым современным оборудованием, оказались против этого «вируса» бессильны и заглохли навечно. Возникшая на эскадре паника, когда ракеты противника начали безжалостно топить обездвиженные и не имеющие возможности дать ответный удар суда, прекратилась лишь тогда, когда последний корабль ушёл под воду.

Известие о затоплении американской эскадры, немедленно разлетевшееся по всем центральным новостным каналам планеты, было воспринято большинством людей в мире с этаким злорадным воодушевлением. Наконец-то эти назойливые янки, постоянно сующие свой длинный нос в дела всех стран мира, получили хороший пинок под зад. Однако постепенно такое приподнятое, оптимистичное настроение сменилось сомнением и даже тревогой. Как оказалось, «Пожиратель» вовсе не исчез бесследно вместе с затонувшей эскадрой. Он каким-то образом благополучно перекочевал сначала на азиатский континент, а затем, видимо, вместе с оставшимися в живых американскими матросами, спасшимися на шлюпках, — и в Америку. Распространяясь с необычайной скоростью, «Пожиратель» начал своё триумфальное шествие по планете, оставляя без электричества и погружая во тьму одну страну за другой. Никакие границы не были ему препятствием, а потому не минул он и своих создателей — китайцев. Как оказалось, какого-либо противоядия или, если выражаться медицинскими терминами, вакцины от этого беспощадного «вируса» просто не существовало. Чем именно руководствовалось военное командование Поднебесной и на что рассчитывало, выпуская такого монстра в мир, никто так и не понял. Каким образом отреагировало на исчезновение электричества миллиардное население Китая, уже никто не узнал — вместе с электричеством исчезла и какая-либо существовавшая в мире связь. По непроверенным слухам, к этому времени лишь Япония (наиболее удалённая от других континентов страна) ещё продолжала наслаждаться всеми благами цивилизации. Несомненно и она, несмотря на предпринятые меры безопасности, вряд ли смогла уберечься от настигшей весь мир катастрофы.

Прочно обосновавшись на планете, невидимый ни в один современный микроскоп и не поддающийся никаким исследованиям «вирус» отбросил изнеженное человечество, расслабившееся от всевозможных удобств — таких как интернет, искусственный интеллект, роботизация производства и прочее, — практически в средневековье. Помимо отсутствия самого банального освещения в квартирах, естественно, остановились все заводы и фабрики, замерли электрические двигатели, качающие воду в системы водоснабжения и отопления, прекратили работу канализационные очистные сооружения. Большие города, погрузившись в кромешную тьму, изнывали от голода и жажды; они утопали в нечистотах и собственных отходах. Из-за остановки транспорта была прекращена поставка продовольствия и медикаментов, не вывозился мусор… В связи с этим начались эпидемии, тысячами выкашивающие неготовых и неприспособленных к таким условиям жизни людей. Но народ, оказавшийся без пищи и в антисанитарных условиях, погибал не только от голода и болезней. Воспользовавшись паникой и неразберихой, на улицы повыходили как одинокие грабители, так и целые банды отмороженных ублюдков. Не имея никакого противодействия со стороны армии и полиции, оказавшихся в таких же жёстких условиях выживания, как и все остальные, они грабили, убивали, насиловали…

Быстро уничтожив все запасы продовольствия, жители городов не брезговали употреблять в пищу даже домашних животных. Городские площади, некогда изобилующие множеством голубей, быстро опустели. Ходили слухи, что спустя некоторое время нередкими стали даже случаи каннибализма.

Немного лучше обстояло дело в сельской местности, где люди хотя бы имели возможность выращивать для себя продукты питания и пользоваться колодцами для добычи воды. Но и там возделывать поля приходилось при помощи лошадей, быков, коров и даже запрягая в плуг наиболее крепких мужчин. Вся техника остановилась и превратилась в бесполезный металлолом сразу же, как только в неё проник «Пожиратель», и «съел» энергию в аккумуляторах.

Самыми страшными и жестокими были, конечно, первые несколько лет после начала энергетического коллапса. Население Земли уменьшалось катастрофически. Ежедневно погибали тысячи, если не миллионы людей. Вокруг больших городов кладбища росли как на дрожжах, занимая огромные территории. Изготавливать деревянные гробы со временем стало не из чего, да и некому. Покойников хоронили, просто уматывая их в какую-либо холстину, а то и вообще без неё. Старики и инвалиды, не имеющие близких родственников, зачастую умирали тихо у себя в квартирах, и их трупы так и оставались разлагаться там, где застала смерть.

Положение, во всяком случае, на бывшей территории России, начало стабилизироваться только спустя десяток лет. Почему бывшей? А всё потому, что государств в том понимании, в котором они существовали до катаклизма, больше не было. Простым людям было всё равно, есть границы или нет, а военным и высокопоставленным чиновникам было не до этого. Люди, если у них была такая возможность, беспрепятственно мигрировали из одной страны в другую. В общем, каждый пытался выжить как мог, но получалось это далеко не у всех. Спустя несколько лет с начала катаклизма большинство населённых пунктов превратились в города-призраки и представляли собой страшное и в то же время печальное зрелище. Дома, будто голодные хищники, взирали вдаль пустыми чёрными глазницами окон, лишённых стёкол, а по безлюдным улицам блуждал неприятный, похожий на озноб ветерок, разносивший по окрестностям сладковато-приторный запах гниющей плоти.

На обширных территориях, которые занимали города, не осталось ни одного деревца, так как всё было вырублено и спилено под корень, а все деревянные постройки — разобраны жителями на дрова для отопления своих убогих жилищ. Если где-то и можно было случайно встретить живого человека, то, скорее всего, это был либо потерявший рассудок бомж, точно шакал, питающийся падалью, либо бесшабашный искатель приключений. Такие, как ни странно, тоже

ещё остались, хотя они и воспринимались остальными людьми как такие же умалишённые, что и упомянутые выше бомжи.

А вот сёла и деревни постепенно разрослись после того, как в них влилось некоторое количество ищущих лучшей доли горожан. В деревнях, где сохранилась толковая администрация, жизнь налаживалась быстрее. Люди там жили гораздо лучше, нежели в других сельских районах, в которых управленцы в своё время были поставлены свыше и которые абсолютно не разбирались в тонкостях ведения сельского хозяйства. Вот и Фёдор Тимофеевич Румянцев — председатель открытого акционерного общества «Зернодел», зарегистрированного в Кобыльцах, быстро разобравшись в ситуации, создал свою сельскую общину. Первым делом он собрал самых уважаемых и здравомыслящих пожилых людей своего бывшего ОАО и назначил Совет старейшин, состоящий из семи человек. Фёдор Тимофеевич, и сам имея за плечами не один год руководства акционерным обществом, тем не менее понимал, что никто лучше, чем старики, умудрённые богатым жизненным опытом, не сможет решить насущные проблемы села. Правда, и у них случались разногласия и споры, но это делу не вредило, так как в конце концов всегда находился устраивающий всех компромисс.

Следующим шагом председателя было создание армии и постройка высокого забора по периметру села. Армию (если можно было так назвать двадцать мужчин-добровольцев) возглавил Иван Петрович Васильев. Он вернулся в село в звании майора после того как прекратился военный конфликт на Донбассе. Как оказалось, Васильев был самым старшим по званию из всех односельчан, а потому именно ему и довелось принять командование добровольцами. Его боевой опыт пригодился и здесь. Оружием, а именно автоматами Калашникова и запасом патронов, председатель тоже успел разжиться, обменяв их у военных на несколько мешков зерна. Хоть и тяжело было рачительному хозяину отдавать ценный продукт, но он прекрасно понимал, что без оружия общине не выжить. Обосновался Васильев в здании участка полиции, а местный участковый, старший лейтенант Татаров, влился в состав его немногочисленной армии.

Пожалуй, самой трудоёмкой и тяжёлой задачей из всех, какие ставил перед общиной Румянцев, было возведение неприступного ограждения или, как его в шутку называли местные, «крепостной» стены. Село было не из маленьких и занимало очень даже приличную территорию. Чтобы поставить забор, который будет представлять серьёзную преграду для всевозможных врагов, требовалось невероятное количество кирпича. В наступившие тяжёлые времена его, естественно, взять было негде. Зато недалеко от Кобылец имелся глиняный карьер, в котором жители издавна брали материал для изготовления простых керамических изделий. Из этой глины вперемешку с соломой и начали изготавливать кирпичи, ну а из этих кирпичей — и саму стену. Так как с металлом даже в самом начале энергетического катаклизма стало трудно, то ворота смастерили из толстых грубообработанных досок. Красоту наводить не было времени, главным критерием служили прочность и надёжность.

Первое время Румянцев практически дневал и ночевал в своём рабочем кабинете, расположенном в бывшем правлении ОАО. Питался он тем, что ему приносила супруга, а иногда и голодал, так как приходилось по многу часов находиться в седле, разъезжая по полям. Спал председатель там же, в кабинете, на потёртом кожаном диване, лишь изредка появляясь дома, чтобы повидать двух сыночков-близнецов.

Всякое было за прошедшие годы. Люди, понимая, в каком положении оказались и что их ждёт в будущем, трудились не покладая рук. Женщины, отработав кто на ферме, кто в птичнике, кто в какой-либо другой артели, в свободное время осваивали ткацкое и гончарное дело, а также множество других премудростей. Мужики же выбирали профессии, которые требовали силу и выносливость. От лентяев и тунеядцев община избавилась сразу же, как только была воздвигнута «крепостная» стена. Такое решение было принято единогласно на общем собрании. Тех, кто не желал трудиться или, чего хуже, был заподозрен в воровстве и обмане,

просто в один день безо всякой жалости выставили за ворота. Время, когда с тунеядцами и алкоголиками нянчились и уговаривали взяться за ум, прошло.

Немало неприятностей и горя в первые годы катаклизма принесли и многочисленные банды, блуждающие по окрестностям и выискивающие лёгкую добычу. Желающих пожить за чужой счёт во все времена хватало, ну а теперь, после того как из тюрем были выпущены на вольные хлеба все заключённые, таких стало ещё больше. Некоторые банды были хорошо вооружены, а потому в боях гибли не только бойцы немногочисленной армии майора Васильева, но и гражданские, принимающие активное участие в обороне села. К сожалению, всего этого невозможно было избежать, но количественно население, тем не менее, не уменьшалось. Вместо погибших приезжали новые люди. Вновь прибывшие прежде всего проходили собеседование с председателем и на Совете старейшин, а затем к ним ещё долго присматривались, определяя, достойны ли они влиться в общину или же им с ней не по пути.

Шло время, постепенно жизнь без электричества налаживалась, и многое из того, что ещё не так давно казалось анахронизмом, становилось вполне обыденным и привычным. Община жила практически натуральным хозяйством и, как шутили некоторые остряки, почти как при коммунизме (такое понятие ещё не было забыто людьми старшего поколения). В Кобыльцах изготавливалось почти всё, что было необходимо для жизни. Всё это распределялось Советом старейшин по потребности. За тем же, чего жители общины не имели возможности сделать сами, ездили в ближайший город, где возобновил работу небольшой металлургический заводик, выплавляющий хотя и не слишком качественный, но всё же металл. Там же, при заводе, были мастерские и кузницы, где производили всякий металлический ширпотреб: начиная от ножей и кос и заканчивая более сложными изделиями. К этому времени уже почти никто не применял огнестрельное оружие. Главной причиной этого был не только постепенный выход из строя стрелкового вооружения, но также банальное отсутствие патронов. Ни ружья с автоматами, ни боеприпасы к ним в сложившихся условиях просто невозможно было сделать. Для охраны своих территорий отряды самообороны всё чаще стали применять всевозможные пики, сабли, ножи, которые изготовлялись в кузницах и на небольших заводиках. Ну а самым грозным видом оружия, как и в глубокой древности, вновь стали луки и стрелы. Мастерству владения холодным оружием, а позже и стрельбе из лука, жителей общины обучал всё тот же майор Васильев. В армии он служил в войсках специального назначения, или, попросту говоря, в спецназе, а потому знал толк в боевых искусствах.

И вот, когда всё уже становилось более-менее понятным и привычным, когда жизнь, казалось, начала налаживаться и военные конфликты постепенно сошли на нет, появилась новая проблема. И проблема эта уже была не на материальном уровне, а по непонятной никому причине проскользнула из тех миров, которые не видны обычному зрению и в которые не все верят. Дело в том, что время от времени в людей проживающих в разных местах земного шара, начали вселяться сущности. В некоторых, как это произошло с самим Романом Соболевым, находили место светлые энергии. Такие люди вдруг обретали рыжий цвет волос.

С появлением в теле «ангельской» сущности человек обретал необычные способности, позволяющие творить добрые дела. Хуже обстояло дело с теми, в кого вселялась сущность из нижних демонических миров. В народе их стали называть Тёмными. Но такое прозвище они получили уже не по цвету волос, а по своей сути. Своим внешним видом индивидуумы с тёмным пятном в душе ничем не отличались от обычного человека. Их невозможно было узнать ни по поведению, ни по глазам, ни по какому-либо иному признаку. Тёмные были коварны и хитры. Они тщательно и умело скрывали свою истинную суть. Очень часто эти твари так обставляли дело, что тень падала не на них, а на местного Рыжего, дискредитируя того в глазах общественности.

Пожалуй, одним из самых страшных и бесчеловечных злодеяний Тёмных была их способность вытягивать из людей жизненную энергию и жизненные соки. Человек, на которого

положил свой чёрный глаз Тёмный, в считанные мгновения превращался словно в высушенную на солнце мумию. К счастью, здесь, в Кобыльцах, до сих пор Тёмных не было. Однако, поскольку никто не знал, какие именно факторы влияют на их появление, невозможно было предугадать, будет ли всё так благополучно в будущем.

Соболев шёл позади Румянцева. Одна половина его мозга была занята воспоминаниями, вторая — анализировала всё, что происходило в окружающем мире. Природа, несмотря ни на что, продолжала жить своей привычной жизнью, и в её утренней безмятежности всё вокруг казалось спокойным и уравновешенным. Роман прекрасно понимал, что разбираться с объявившимся в общине Тёмным придётся именно ему. Он не боялся схлестнуться с неведомой доселе силой; Соболев опасался лишь того, что может не оправдать возложенной на него ответственности и не справиться с необычным и таким сложным заданием.

Из растущих у дороги кустов выпорхнула небольшая птица. От неожиданности Румянцев вздрогнул и трижды перекрестился. С некоторых пор председатель стал очень религиозным и даже иногда начал посещать их сельскую церквушку, в которой имелся только один священнослужитель — отец Леонид. С этим пожилым попом у Соболева, впрочем, так же, как и у двух предыдущих Рыжих, сложились весьма неоднозначные отношения. В отличие от председателя, он, несмотря на произошедшие с ним изменения, не особо был расположен к какой-либо религии. Осознав в одночасье всё величие и неповторимое многообразие Того, кого люди называют Богом, Соболев видел всю несостоятельность и ограниченность любых религий и верований, распространённых на планете. Он не понимал, как можно все эти грандиозные и необъятные человеческим разумом знания, а главное — чувства, выразить словами и вместить в рамки, пусть даже и не одной священной книги?

У порога дома Морозовых мужчин встретил Васильев, теперь исполняющий роль начальника полиции. Мужественное, с широкими скулами лицо Ивана Петровича, которому уже перевалило за шестой десяток, было испещрено морщинами. У него, как и у председателя были короткие седые волосы, а на левой щеке имелся глубокий шрам, начинающийся у нижнего века и заканчивающийся где-то в зарослях густой седоватой бороды. Взгляд у Васильева был проницательным и хмурым. Война на Донбассе, которую он прошёл, и все последующие события, свалившиеся на плечи людей, оставили не только глубокий след в его душе, но и отметины на его теле. На поясе начальника полиции висела старенькая потёртая кобура с не менее старым, но всё ещё рабочим пистолетом Макарова, а также кожаные ножны с приличным клинком. Иван Петрович хорошо владел и тем и другим, но ПМ он носил больше для солидности, так как уже долгое время его не применял. Впрочем, несмотря на относительное затишье в селе и его окрестностях, наличие огнестрельного оружия пока что было не лишним.

Васильев пожал руку Соболеву, а председателю только едва заметно кивнул. Роман понял, что они уже виделись перед тем, как его пригласить. Не проронив ни слова, все трое вошли в помещение. В гостиной у окна на табурете сидел Станислав Викторович Морозов — глава семьи. Это был пожилой мужчина с высоким лбом и длинными седыми волосами, разбросанными по широким плечам. Одна его рука будто плеть безвольно свисала вниз, а второй он обнимал девочку лет десяти. Та, прижавшись к груди деда, обняла его грузное тело и тихонько всхлипывала. Мужчины остановились у порога.

— Здравствуйте! — тихо произнёс Соболев и, покосившись на открытую дверь в соседнюю комнату, спросил: — Там?

Старик не ответил на приветствие. Он лишь молча кивнул и ещё сильнее прижал к себе внучку, словно боясь, что с ней тоже может произойти что-то плохое. Роман протопал босыми ногами по плотной шершавой циновке, постеленной на полу, и замер у двери. То, что он увидел, могло повергнуть в шок не только слабонервного, но и вполне здорового человека, каковым себя считал Соболев. Перед ним, на старой металлической кровати, сетку которой давно заменили доски, в простенькой ночнушке лежала мёртвая Дарья Морозова. Точнее сказать,

лежало то, во что превратилось ещё недавно пышущее жизненной энергией тело. Её неестественно белая, лишённая крови оболочка была похожа то ли на скелет, обтянутый кожей, то ли на недавно забальзамированную мумию. Щёки женщины прилипли к черепу, глаза ввалились, губы посинели и провалились в глубину полуоткрытого в безмолвном крике рта. Тощие и высохшие, будто у древней старухи, руки торчали из коротких рукавов ночной рубашки, как будто это были длинные плети, выкрашенные известью. Пальцы на руках скрючились, словно их свело судорогой. Можно было подумать, что ещё полная сил тридцатисемилетняя женщина последние годы своей жизни страдала жесточайшим артритом. В данный момент ничто, кроме пышной русой косы, не напоминало о том, что это была та самая Дарья, которую знали и уважали многие односельчане.

Роман стоял несколько минут, ничего не предпринимая, вперившись взглядом в открывшуюся его взору страшную картину. Он, конечно, слышал от людей о жутких последствиях вампиризма Тёмных, но иссохшего человека видел своими глазами впервые. Позади было слышно негромкое сопение Васильева. Майор его не торопил. Он терпеливо ждал, что скажет Рыжий по поводу случившейся трагедии. Наконец, словно очнувшись от неприятного наваждения, Соболев перенёс внимание в район середины своего лба. Слегка прикрыв глаза, он попробовал особым взглядом просканировать помещение и труп женщины. Однако, простояв в неподвижности ещё несколько минут, Роман так ничего и не почувствовал. Видимо, демон, вселившийся в кого-то из односельчан, был не самого низкого ранга и умел неплохо маскировать свою сущность. «С таким непросто будет справиться», — подумал Соболев, сделав шаг назад. Вдруг, всё ещё продолжая смотреть на мёртвую женщину, краем глаза он заметил мелькнувшую за окном тень. Быстро повернув голову в ту сторону, Рыжий невольно вздрогнул. Из-за стекла на него смотрело страшное и уродливое лицо. Кожа на блестящей лысине этого существа была испещрена не то морщинами, не то шрамами, а глаза, лишённые век, излучали нездоровый блеск. Его голова крепилась к непропорционально тонкой шее, которая внизу сливалась с бесформенным тряпьём, в котором с трудом угадывался пиджак, накинутый на худые плечи.

Глава 2

Роман Соболев, как и все жители общины, прекрасно знал Тимоху-юродивого, время от времени появляющегося в Кобыльцах, но до сих пор никак не мог привыкнуть к его изуродованной и отталкивающей внешности. После созерцания обескровленного трупа женщины, оставившего в душе неприятный осадок, вовсе не мудрено было испугаться, увидев внезапно появившегося в распахнутом настежь окне калеку. Из-за того, что голова Тимохи, не имеющая ни одного волоска, была сплошь усеяна шрамами, трудно было определить, сколько мужчине лет. Ходили слухи, что он ещё парнем попал в руки появившихся в разгар катаклизма фашистов, и те зверски издевались над молодым человеком, обливая его горючей смесью и поджигая. Каким образом ему удалось выжить, оставалось загадкой, но выходило так, что Бог, сохранив парню жизнь, взамен отнял у него рассудок. Передвигался Тимоха неуклюже, немного развернувшись на правый бок и прихрамывая на одну ногу. Его речь была невнятной, будто у малыша, который только-только начал учиться говорить.

Когда именно юродивый впервые объявился в общине, уже никто не помнил. Он то появлялся в селе, то вновь куда-то исчезал. Никто толком не знал, где обитает этот несчастный и как ему удаётся оставаться в живых. Имя тоже вряд ли было его родным. Просто однажды кто-то из жителей Кобылец назвал юродивого Тимохой, с тех пор и все остальные стали его так называть. Не исключено, что в других сёлах, по которым он путешествовал, его звали совсем по-другому. Жители общины в основном жалели юродивого и относились с сочувствием. Дети, правда, его побаивались, и, видимо, из-за этого ни у кого из селян даже в мыслях не было пригласить Тимоху к себе в дом. И только Дарья Морозова проявляла по отношению к несчастному какую-то особую материнскую заботу. Несмотря на то, что семья Морозовых, состоящая из самой Дарьи, её пожилого свёкра Станислава Викторовича и дочки Машеньки, сама жила очень скромно, если не сказать бедно, женщина не только подкармливала Тимоху, но и порой оставляла переночевать. В дом, конечно, она его тоже не пускала, но предоставляла тёплый сеновал. Хотя юродивый и был всегда тихим и никогда не обнаруживал признаков агрессии, Дарья побаивалась, как бы он, чего доброго, не испугал её десятилетнюю дочь. Тимоха за доброту и заботу платил женщине своим расположением и привязанностью. Появляясь в Кобыльцах, он иногда приносил Морозовым то пойманного каким-то образом живого зайца, то заботливо собранные в латанную-перелатанную рубаху, снятую с себя, большие белые грибы.

После рокового энергетического коллапса климат на планете серьёзно изменился. В тех краях, где раскинулись Кобыльцы, среднегодовая температура ощутимо поползла вверх. Зимы стали мягче, словно утратив свою суровую хватку; снега не выпадало уже несколько лет. Это обстоятельство благоприятно сказывалось на кочевой жизни Тимохи. Отсутствие сильных холодов не требовало от него приобретения тёплой одежды, а небольшие морозцы юродивый стойко переносил даже в том рванье, которое постоянно носил.

— Ну-ка топай отсюда, — услышал Роман негромкий голос Васильева за своей спиной. — Иди-иди, чего смотришь? Нет больше твоей кормилицы.

Тимоха ещё больше сморщил и без того морщинистый лоб и отрицательно замотал своей лысой головой.

— Ы-ы-ам… — протянул он, указывая грязным пальцем куда-то в комнату. Его лицо покраснело от усилия, которое ему пришлось приложить, чтобы произнести эти несколько звуков.

Соболев подошёл к окну, в котором маячил юродивый.

— Что там? — спросил он, всматриваясь в глаза калеки. — Ты что-то видел?

— Ы-ы, — вновь попытался что-то сказать Тимоха, но у него получилось ещё хуже, чем в первый раз.

Лицо юродивого стало грустным. Видно было, что он очень расстроен. Постояв ещё немного, Тимоха развернулся и, не проронив больше ни звука, заковылял в сторону калитки.

— Странно, — промолвил начальник полиции, тоже подойдя к окну, — вроде бы как что-то хочет показать.

— Пойду, посмотрю, — отозвался Роман и, пока ещё Тимоха не скрылся из виду, заспешил к выходу из дома. Старик с девочкой по-прежнему находились в гостиной. Станислав Викторович что-то нашёптывал внучке. Та всё так же, прижавшись к нему, иногда кивала в ответ. Румянцев, насупив брови, сидел на табурете у стены и, время от времени поглядывая на Морозовых, участливо вздыхал.

— Там Тимоха что-то хочет, — негромко произнёс Соболев в ответ на вопросительный взгляд председателя.

С сочувствием посмотрев ещё раз на убитых горем деда с внучкой, он, больше не задерживаясь, прошёл в сени и вскоре оказался на улице. Ему, конечно, очень хотелось побеседовать с Морозовым по поводу смерти невестки, но Роман решил, что не стоит бередить свежую рану в сердце старика. С расспросом можно и подождать. Сейчас важнее узнать, чего же хотел сказать ему Тимоха. Тот хотя и считался в Кобыльцах дурачком и не от мира сего, но зато обладал очень обострённой интуицией. В этом Рыжий уже не раз успел убедиться.

Пожалуй, самым примечательным был случай с девочкой, на которую чуть было не обрушился навес, возведенный возле фермы. Соболева в тот день попросили посмотреть корову. Бурёнка, дающая всегда больше всех остальных коров молока, отчего-то захворала. Одна из доярок в этот день взяла дочку с собой на работу и, чтобы та ей не мешала, усадила на сено под этим злополучным навесом. Закончив лечение коровы, Роман вместе с этой женщиной вышел из помещения фермы. Солнышко уже пригревало вовсю, в бочке с водой, стоявшей у стены, плескалась стайка воробьёв. Вдруг, откуда ни возьмись, появился Тимоха. Он, почти не хромая, стремглав пронёсся по двору, схватил на руки ничего не подозревающую девочку и продолжил свой бег. У бедной мамаши от перепуга чуть не приключился сердечный приступ, а Соболев, не мешкая, рванул вслед за юродивым. В этот момент навес и рухнул. Услышав треск ломающихся досок, Тимоха тут же остановился и, словно не понимая, где он и что произошло, недоумевая, начал озираться по сторонам. Он спокойно отдал девочку подоспевшему Рыжему, а тот уже передал испуганного ребёнка матери. Об этом случае не раз потом вспоминали в Кобыльцах, когда разговор заходил о Тимохе.

Увидев мелькнувшую за кустами спину юродивого, Соболев торопливо спустился по ступеням крыльца и поспешил за ним вслед. У выхода со двора его догнал Васильев. Поравнявшись, мужчина грузно зашагал рядом. В отличие от Романа, Иван Петрович, как и большинство жителей общины, был обут в лапти, сплетённые из лыка. Такую обувку носили только летом. Когда же наступали холода, народ натягивал на ноги более тёплую обувь, сшитую из шкур животных.

Следуя за юродивым, Соболев надеялся, что, возможно, тот покажет что-то такое, что хоть немного прольёт свет на случившееся. То, что вычислить Тёмного будет непросто, он уже понимал, а потому, не имея опыта в таких расследованиях, хватался, как тот утопающий, за маленькую соломинку. Самым тревожным во всём том, что сегодня произошло, была не только и не столько сама смерть Дарьи, а то, что может последовать вслед за ней. Из-за отсутствия связи с удалёнными населёнными пунктами невозможно было узнать наверняка, что происходит там, где объявлялся Тёмный. Какие ещё несчастья он может принести простым людям, творя в угоду дьяволу свои тёмные дела? Из всех слухов и домыслов, бродивших среди кобыльчан, более-менее достоверными можно было считать те, что относились к ближайшему от них селу Лужаны. Там, до того как Тёмный был обнаружен и убит, он иссушил около десятка человек и принёс ещё немало других бед жителям села, верша свои злодеяния. Как потом оказа-

лось, носителем дьявольской силы был неприметный с виду мужичок, работавший на ферме, а тёмную сущность, сидящую в нём, сгубила тяга к молоку рожениц.

В городе, с которым община Кобыльцов последнее время поддерживала тесную экономическую связь, обменивая свою сельскохозяйственную продукцию на товары из металла, производимые там, вообще трудно было понять, есть ли Тёмные или нет. Выживший благодаря жёсткому, но весьма толковому руководителю Петру Васильевичу Синельникову, населённый пункт был намного крупнее Кобыльцов. А потому там до сих пор хватало всяких антисоциальных элементов, по-прежнему не желающих жить по общепринятым в новых условиях законам и нормам. Так что у них всё ещё случались и грабежи, и убийства, и просто пьяные драки. В отличие от села, где каждый его житель был на виду, в городе человек мог запросто бесследно пропасть, а уже привыкшие к таким вещам люди могли просто не обратить на это никакого внимания. Как было известно, при Синельникове тоже находился Рыжий. Вот только определить, является ли очередной нарушитель порядка, если таковой был пойман полицией, Тёмным или же это просто человек низких моральных качеств, было практически невозможно. Иссохших людей там вроде бы не находили. Однако, учитывая то, что в городе, где население уменьшилось почти наполовину, оставалось очень много заброшенных, пустующих домов и подвалов, в которые уже давно никто не заглядывал, нельзя было исключать того, что Тёмный, отняв у человека жизненную энергию, спрятал тело жертвы в одной из заброшек.

Погружённые в свои невесёлые мысли, Соболев и Васильев шагали вслед за юродивым. Тот то и дело оглядывался, словно проверяя, идут ли за ним или нет, но скорости не сбавлял. Несмотря на то что калека сильно хромал, мужчинам приходилось постараться, чтобы от него не отстать. Вскоре все трое подошли к плетёному забору, который ограждал небольшой дворик местного музея. Когда-то в этом одноэтажном здании размещались клуб и библиотека. После начала мирового энергетического катаклизма здание долго пустовало. В отличие от городов, где для обогрева жилья в самодельных печурках сжигались не только деревянные предметы, оставшиеся в бесхозных квартирах, но также и книги, и рамы окон… в селе запертое на амбарный замок здание уцелело и не подверглось варварскому разграблению. Единственное, что всё же понадобилось Кобыльчанам, — так это оконные стёкла.

Когда обстановка в селе и вокруг него постепенно всё же начала стабилизироваться, благодаря стараниям местного энтузиаста Николая Борисовича Спокойного, работа библиотеки возобновилась. Правда, к тому времени штатная единица библиотекаря в лице Елены Дмитриевны Дроздовой была давно аннулирована. Но для этого были вполне объективные причины. Во-первых, ни клуб, ни библиотека были в то время не нужны — людям было не до развлечений. Во-вторых, женщина уже должна была находиться на пенсии, ну, и наконец, в силу сложившихся обстоятельств, так же как и все работоспособные жители общины, трудились кто, где может, она тоже в меру сил работала в ткацкой артели. Несмотря на это Спокойный, не будучи обременённым семьёй, лично взялся после основной работы сделать мелкий ремонт в обветшалом за последние годы строении, ну, а когда привёл его в более-менее пристойное состояние, занял сразу три должности: директора, библиотекаря и смотрителя музея, который он создал в помещении клуба.

Музей, который селяне в шутку так и называли в честь его фамилии — «Спокойный музей», был не совсем обычным. Здесь не было ни скелетов ископаемых животных, считавшихся непременным атрибутом всякого уважающего себя учреждения такого типа, ни каких-либо других доисторических артефактов. В помещении бывшего клуба Николай Борисович, обойдя практически все дома в Кобыльцах, собрал имеющиеся у хозяев предметы, которые когда-то работали от электричества. Эти вещи, начиная от электрических фонариков, телефонов и утюгов и заканчивая стиральными машинками и телевизорами, теперь, в общем-то, были никому не нужны. Поэтому на просьбу директора музея откликались с пониманием и расставались с ненужным хламом без всякого сожаления. Спокойный, слывший большим скептиком,

вполне закономерно мог сомневаться в том, что когда-нибудь в будущем по проводам вновь потечёт ток, и, возможно, именно поэтому был уверен, что все предметы, собранные в музее, со временем станут настоящими раритетами и будут цениться не меньше, чем полотна известных художников.

Васильев и Соболев остановились у входа во двор музея. Калитки, как и в других дворах, здесь тоже не было. Непонимающе переглянувшись между собой, мужчины направились к самому зданию, где их поджидал Тимоха.

— Ы-ы-ам, — вновь с трудом промычал юродивый. Он нахмурился и сплюнул себе под ноги. Его босые стопы были не только грязными, но и в ссадинах. Тимоха неопределённо махнул рукой в направлении двери и, отойдя в сторону, уселся прямо на землю. Больше не обращая никакого внимания на стоявших рядом мужчин, он принялся грызть ногти на руке.

— Ну что, пойдём, посмотрим, чего там такого? — с сомнением в голосе произнёс Васильев, косясь на юродивого. Соболев только пожал плечами и поднялся по ступеням на невысокое крыльцо.

Дверь в музей была не заперта, и майор, опередив своего спутника, первым вошёл в дом. Мужчины прошли через небольшой глухой коридорчик, в котором, не смотря на чистоту, почему-то пахло сыростью. Коридорчик, некогда освещаемый люминесцентными лампами, сейчас был тёмным. Правда, в нём всё же имелось одно маленькое окошко кассы, но и оно было наглухо закрыто. Отворив следующую дверь, ранние посетители вошли в помещение самого музея. Из-за того, что большинство окон, лишённых стёкол, были заколочены досками, здесь ещё царил утренний сумрак, казавшийся густым и вязким, будто пропитанный холодом и тишиной. Он стелился по полу тёмной волной, скрадывая очертания предметов и делая силуэты музейных экспонатов зловеще угловатыми. Узкие клинья света, пробивавшиеся сквозь щели между досками, лишь подчёркивали глубину теней, застывших в немом ожидании.

У Романа вдруг появилось ощущение, что на них из полумрака пристально смотрит кто-то невидимый. До сих пор ему не приходилось бывать в «Спокойном музее». Он ещё помнил и многие электроприборы, и смартфоны, при помощи которых можно было не только звонить и выходить в интернет, но также играть в различные электронные игры. Так что всё, что было здесь представлено на обозрение, могло заинтересовать либо детей, родившихся уже после произошедшего катаклизма, либо тех, кого одолевала ностальгия по прошлому. Ну а насчёт библиотеки и книг… Что ж, книги Соболев, конечно, любил, но читать их ему просто было некогда. Чтобы выжить в современных условиях, лишившись абсолютно всех своих электрических помощников типа пылесосов, стиралок и прочей домашней техники, позволяющей сэкономить уйму времени, ему приходилось самому много трудиться и для общины, и для себя. Теперь же, когда Романа «посетил Ангел», чтение и подавно ему стало ненужным. Почти вся необходимая информация, за редким исключением, появлялась прямо у него в голове. Это было чем-то похожим на тот самый интернет, канувший в Лету вместе с электричеством. Задал вопрос — и тут же получаешь исчерпывающий ответ.

— Иван Петрович?! — внезапно раздался сбоку удивлённый мужской голос. Васильев с Соболевым резко обернулись. Перед ними стоял невысокого роста худощавый мужчина лет около пятидесяти с короткими ручками и короткими пальцами. У него была лысая голова с маленьким и узким, напоминающим крысиную морду, лицом, на которое природа прилепила крохотный подбородок и беспокойно бегающие глазки-бусинки. Это и был директор музея Николай Борисович Спокойный. Сейчас он был одет в светлую льняную рубаху и шаровары местного производства.

В бывшей комнатушке кассира, дверь которой выходила прямиком в зал нынешнего музея, Спокойный оборудовал себе своего рода кабинет. Там, кроме стола с потрескавшейся от времени столешницей, у него был такой же древний стул и узкий деревянный топчан. Самодельное ложе было застелено каким-то тряпьём, на котором Николай Борисович, не имея

семьи, нередко и ночевал. Ему из-за его маленьких габаритов вовсе не требовалось слишком много места ни для сна, ни для работы. Судя по всему, нынешнюю ночь директор музея также провёл здесь — в своём хозяйстве.

Увидев нежданных посетителей, Спокойный быстро захлопнул дверь, из которой только что вышел. Сделал он это как-то суетливо, с тревогой в глазах. Видимо, хозяин комнатушки хотел что-то скрыть от непрошеных гостей. Однако Соболев в бледном свете масляной лампы, стоявшей на столе, всё же успел заметить большую самодельную лупу и довольно толстую книгу в тёмном переплёте. Это был явно какой-то старинный фолиант, не имеющий ничего общего с теми книгами, которые издавались в последние годы перед катаклизмом. Роман повернул голову к Васильеву.

— Здравствуйте, Николай Борисович, — произнёс тот, пристально всматриваясь своим профессиональным взглядом в лицо директора музея. Пока что он никак не мог взять в толк, по какой такой причине Тимоха их сюда притащил.

— Доброе утро, — не слишком приветливо ответил Спокойный и, не выдержав взгляда начальника полиции, принялся рассматривать стоящие вдоль стен экспонаты. У Соболева создалось впечатление, что своим визитом они с Васильевым оторвали Николая Борисовича от какого-то важного дела. — Что вас привело в музей в столь ранний час? — Директор музея с некоторой опаской скосил свои маленькие глазки на Рыжего, что от того, конечно же, не укрылось.

— Работа у нас такая, — пространно ответил Васильев. — Следить за порядком, контролировать, не объявился ли в наших краях Тёмный…

Сказав это, майор вновь испытующе взглянул на Спокойного. Роман же только скептически хмыкнул про себя. Он, конечно, понял замысел начальника полиции проверить реакцию директора музея на упоминание о Тёмном. Только вряд ли дьявольскую сущность, если она действительно сидела в этом маленьком человечке, можно было поймать на такую примитивную уловку.

— Тёмный?.. В наших краях?.. — как показалось Соболеву, вполне искренне удивился Спокойный. — Пусть Бог милует, — добавил он и торопливо перекрестился. — Только этого нам не хватало…

— Тем не менее, Николай Борисович, это так, — кивнул Васильев. — Дарья Морозова иссохла.

— Боже мой!.. — на лице директора музея отразился такой ужас, какой вряд ли бы смог изобразить человек, не имеющий хорошей артистической подготовки, а его глазки-бусинки суетливо забегали из стороны в сторону. И хотя поведение Спокойного немного настораживало, Соболев больше не сомневался в том, что тот не врёт. В отличие от майора, чтобы в этом убедиться, ему не нужны были никакие вещественные доказательства или улики. Знания приходили к нему в голову неизвестно откуда. «Хотя, — в голове Рыжего всё же промелькнуло небольшое сомнение, — Тёмные могут ещё и не такое… Сущность, вселившаяся в человека, чтобы отвести от себя подозрение, умеет так запутать следы, что попробуй разгадай: кто есть кто?» Васильев вопросительно взглянул на Соболева. Тот едва заметно отрицательно качнул головой, а директор музея чуть дрогнувшим голосом произнёс: — Что ж теперь будет-то?

— Будем искать… — разворачиваясь к двери, неопределённо ответил Иван Петрович.

— Так всё-таки по какому поводу вы приходили? — уже вдогонку крикнул Спокойный.

— Служба… — недовольно буркнул Иван Петрович. — Странно, — задумчиво сказал он, когда они с Соболевым уже вышли на улицу, — что же нам такого хотел сказать Тимоха?

Роман промолчал. Его и самого интересовал тот же вопрос. Мысль о том, что юродивый пошутил или, чего хуже, решил над ними поиздеваться, он отмёл сразу. Чего греха таить, директор музея ему, прямо скажем, не очень нравился. Было в его внешности что-то отталкивающее, особенно никогда не останавливающиеся на одном месте чёрные бегающие глазки.

Да и характер у Николая Борисовича был скрытным. Такой себе на уме незаметный тихушник. Многие жители их села удивлялись: на кой ляд ему сдались эта библиотека и музей? Все остальные люди, добросовестно отпахав — кто в поле, кто на ферме, кто во множестве других артелей, созданных после начала катаклизма, — расходились по домам и либо отдыхали, либо, что было чаще, управлялись со своим домашним хозяйством. Этот же, будто какой-то маньяк, после работы шёл в клуб и наводил там порядок. Правда, сейчас Спокойный, с позволения Совета старейшин, в котором теперь неизменно принимал участие и Рыжий, работал всего на полставки в бригаде гончаров. С наступлением трудного периода в жизни людей, когда ОАО «Зернодел» подверглось реформированию и жителям Кобылец необходимо было осваивать новые профессии, оказалось, что Николай Борисович имеет склонность к творчеству. Он быстро овладел профессией гончара и с тех пор трудился именно по этой специальности. Но и это тоже был не такой лёгкий труд, как могло показаться со стороны. Тем более что способных освоить эту профессию оказалось очень мало, а посуды и прочих изделий из глины, таких, например, как тарелки и масляные светильники, требовалось довольно много.

— Ну что, Роман Игоревич, ты сейчас куда? — вновь подал голос начальник полиции. Пожалуй, лишь он один из всех жителей села обращался к Рыжему на «ты».

— Пройдусь по селу, осмотрюсь, — неопределённо ответил Соболев, нисколько не обижаясь на Васильева. Первое время он даже испытывал некоторые неудобства, пока не привык к тому, что все с уважением начали ему «выкать» и обращаться по имени-отчеству.

— Лады. Ну, а я по своим делам… Ты уж постарайся поскорее отыскать эту тварь, чтобы она ещё больших бед не натворила, — сказал Иван Петрович, пожимая на прощанье Соболеву руку. Рука у майора была крепкой, но и Рыжий силой был не обделён, так что рукопожатие вышло настоящим, мужским.

— Постараюсь, — ответил Роман вслед удаляющемуся Васильеву. «Постараться-то я, конечно, постараюсь, — не спеша шагая в сторону своего дома, размышлял он, — вот только за быстрый результат, увы, не ручаюсь. Отыскать Тёмного среди жителей общины потруднее будет, чем найти иглу в стоге сена. Там хоть имеешь представление, чего ищешь, а здесь же вообще полная неизвестность. Да и народа в Кобыльцах становится всё больше и больше. До сих пор ещё появляются беженцы из разных уголков страны».

Домой Роман вернулся только для того, чтобы покормить Кнута да самому чего-нибудь закинуть в рот. Своего пса он кормил всякими отходами с их животноводческой фермы, где выращивали как крупный рогатый скот, так и птицу. Достав из погреба-ледника кусок мяса с костью, он бросил его Кнуту. Потрепав его по холке и получив взамен искренне благодарный взгляд, Рыжий пошёл в избу. В печи со вчерашнего вечера томилась пшеничная каша с чечевицей. Съев небольшую порцию горячей пищи и запив её простоквашей, сделанной из коровьего молока, Соболев, как и говорил Васильеву, пошёл бродить по селу, по-прежнему надеясь на подсказки Ангела.

Община уже давно проснулась, и улицы заполнились множеством разнообразных звуков, доносящихся со дворов селян. Большинство из них принадлежало домашним животным и птице: где-то хрипло прокричал петух, будто извиняясь, что проспал рассвет, где-то глухо промычала корова, а из-за соседнего плетня доносилось беспокойное квохтанье кур. Ещё были слышны окрики людей, стук молотка, поскрипывание телеги, медленно катившейся по высушенной на солнце дороге и оставлявшей за собой облако пыли.

Кто-то торопился на работу в артель, кто-то, прежде чем уйти, спешил сделать не требующие много времени домашние дела — наскоро подправить покосившуюся изгородь или вынести ведро золы. Мужчины отдавали распоряжения своим жёнам, голос звучал привычно твёрдо, почти буднично; те же, в свою очередь, покрикивали на сонных и потому нерасторопных с утра детей, подгоняя их резкими словами, чтобы неповоротливые чада наконец надели лапти и взялись за выполнение порученного им задания. На заборе сидел воробей и деловито

чистил пёрышки. Казалось, будто ничего не предвещало беды, но в воздухе уже повисла едва уловимая тяжесть. Это была не просто утренняя сырость, а что-то чужое, холодное, враждебное… Община продолжала жить своей привычной жизнью, ещё не зная, что в её мирное и спокойное существование уже запустила свои щупальца тёмная дьявольская сила.

Не определившись точно, куда именно он хочет пойти и с чего начать поиски Тёмного, Соболев расслабился, позволив своим ощущениям вести его куда придётся. Он шёл по селу, бросая взгляды в разные стороны и прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Роман был уверен, что именно это внутреннее чувство, или точнее, предчувствие, является голосом Ангела, живущего в его сердце. Завидев огненно-рыжие волосы, встречные прохожие с суеверной почтительностью вежливо здоровались с ним и сторонились, уступая дорогу. Многие были верующими, а потому, пройдя мимо, украдкой крестились и торопились поскорее скрыться из виду.

Какая-то девчушка, только что выгнавшая со двора гусей, чуть было не растянулась, споткнувшись о небольшой камень. Её взгляд был прикован к Соболеву, что и послужило причиной произошедшего с ней казуса. Пытаясь удержать равновесие, девочка сделала несколько быстрых шагов вперёд и врезалась в вальяжно шествующую стаю гусей. Птицы, растопырив в стороны крылья, бросились врассыпную, оглушая округу громкими недовольными криками. Лишь один старый гусак, вожак стаи, вытянув длинную шею, грозно зашипел на неловкую девчонку.

— Катька — растяпа, — захихикал, выглядывая из-за забора, маленький мальчишка, видимо, её младший брат. Девочка же, испуганно оглянувшись на своих родителей, стоявших во дворе, показала мальчугану язык и принялась тонким прутом сгонять гусей в кучку.

Ободряюще подмигнув круглолицей пастушке с двумя русыми косами, Роман продолжил путь. Минут через пятнадцать он вдруг осознал, что ноги сами ведут его к мельнице, расположившейся на одном из двух холмов недалеко от сельских ворот. Само село раскинулось в низине, и практически из любого двора можно было увидеть и церковь, поставленную на втором возвышении, и деревянную мельницу. Высокое строение с огромными, вращающимися и днём и ночью лопастями почему-то всегда напоминало Роману большую мифическую птицу, машущую своими огромными крыльями. Когда-то мельница с большим подворьем, в котором могло одновременно расположиться около десятка подвод с зерном, стояла особняком от других построек. Теперь же, из-за разросшегося числа жителей села, дома подобрались к ней почти вплотную.

Соболев не спеша вошёл во двор. Сейчас здесь, в отличие от осенней страды, когда жители общины ежедневно возами везли на помол собранную пшеницу, людей вообще не было. Мельник Геннадий Сергеевич Парфентьев, грузный лысоватый мужчина с чёрной окладистой бородой, возился во дворе с какой-то деревянной штуковиной. Несмотря на свои пятьдесят пять лет и небольшой животик, он был довольно подвижным человеком и, как говорили местные, юрким. Когда работы на самой мельнице было мало, мельник занимался мелким ремонтом, а два его молодых помощника работали там, где на данный момент требовались люди и куда распределял председатель.

Завидев, что во двор вошёл Рыжий, мельник отложил свои дела и, вытерев руки какой-то тряпицей, заспешил к нему навстречу. Обычно он ходил в присыпанной мукой одежде, но сейчас на нём были чистые просторные шаровары и светлая рубаха. Во дворе пахло сухим сеном и стоял устойчивый запах свежесмолотой пшеницы.

— Доброе утро, Геннадий Сергеевич, — улыбнувшись, первым поздоровался Роман. Он никогда не пытался показать свою значимость и ко всем жителям, независимо от их профессии и статуса, старался относиться одинаково вежливо, а к старикам — с почтением.

— Доброе, Роман Игоревич, — неуверенно ответил мельник, протягивая ладонь для рукопожатия. Несмотря на то что он был почти на голову ниже Соболева, у него, как и у любого

сельского труженика, была очень сильная рука. Поздоровавшись, мельник оглянулся вокруг, будто опасаясь, что его могут услышать, и, понизив голос, спросил: — Что-то ещё случилось?

По этому «ещё» Роман понял, что либо весть о трагедии в семье Морозовых уже успела до него дойти, либо что? Он сам является её непосредственным участником? Сомнительно, но… Придав лицу непринуждённое выражение, Соболев сказал:

— А с чего вы взяли, Геннадий Сергеевич, что у нас что-то случилось?

— Так это… — немного смутившись и нахмурив густые чёрные брови, неуверенно произнёс мельник, — люди-то врать не будут…

— А что люди говорят?

— Так это… Дарья-то, вроде бы как иссохла?..

— Всё верно, — наконец согласился Роман, почувствовав, что собеседник нисколько не юлит, а его смущение вызвано обычной робостью перед Рыжим. — Людей, смотрю, нет? — перевёл он разговор на другую тему, обведя двор многозначительным взглядом.

— Тихо пока, — подтвердил мельник и добавил: — Так это, Роман Игоревич, может, чайку выпьете?

— Отчего ж, можно и чайку попить, — не стал возражать Соболев. Пить ему хотелось. Солнце уже поднялось над селом и начало припекать, вызывая жажду. Подождав, пока мельник войдёт в дверь, Рыжий направился вслед за ним. Внутри помещения он с удивлением обнаружил Тимоху. Тот сидел за большим крепким столом, сбитым из толстых досок, и с отрешённым выражением лица жевал кусок ржаного хлеба с маслом. «Так вот откуда Сергеич знает о Дарье, — мелькнуло в голове у Романа, но он тут же ругнулся сам на себя: — Вот же дурак, ну и как почти немой юродивый смог бы обо всём рассказать?»

— Жалко Тимоху, некому теперь будет за ним приглядеть, — перехватив взгляд Рыжего, тяжело вздохнул Парфентьев. — Да вы присаживайтесь, — он указал Роману на лавку, приставленную с противоположной от Тимохи стороны стола, и громко крикнул: — Светка, неси чай, к нам Роман Игоревич в гости зашли. Из соседней комнаты выглянула полная краснощёкая женщина. На ней был старенький фартук с въевшимися в ткань жирными пятнами. Её волосы скрывала повязанная на голову светлая косынка.

— Здрасьте, — кивнула женщина Соболеву и, не дожидаясь ответа, вновь скрылась за дверью.

— И всё-таки, Геннадий Сергеевич, откуда вам известно о Дарье? — вновь спросил Роман, не спеша рассматривая помещение. Здесь у мельника было что-то вроде офиса, где он вёл все свои бумажные дела. В общине всё подлежало чёткому и точному учёту, поэтому, пока помощники занимались непосредственно помолом, Геннадий Сергеевич отмечал в специальном журнале: кто, когда, чего и сколько привёз, а также сколько кому выдано. Вход же на саму мельницу был с другой стороны строения.

— Так это… Иван Петрович заходил.

— Понятно, — кивнул Соболев. «Видимо, Васильев заглянул сюда как раз, когда я был у себя дома», — подумал он.

Вошла хозяйка, неся в руках два чайника. Один побольше — с кипятком, другой поменьше — заварной. Она уже успела немного переоблачиться, сменив грязный передник на новый. Её пухлые губы растянулись в подобострастной улыбке. Поставив чайники на стол, женщина быстро сходила в соседнюю комнату ещё раз и принесла две чашки. Разлив ароматный чай (она заранее спросила Рыжего о нужной крепости), хозяйка тихо удалилась. Обычай угощать гостей всякими конфетками да пирогами давно канул в прошлое. Вспомнив своё детство, Роман мысленно улыбнулся. В его памяти ещё хранились воспоминания о семейных чаепитиях, которые не обходились без какой-либо выпечки с вареньем или мёдом. Сейчас, если и заготавливали что-то на зиму, то не варенье, а что-то типа пастилы, не требующей для при-

готовления дефицитного сахара. Ну а сладкой выпечкой селяне баловали снебя только лишь по праздникам, которых было не так и много.

— Готовит обед работникам. — Парфентьев кивнул в сторону двери, за которой скрылась его супруга, и шумно отхлебнул из своей чашки чай. — Пока на мельнице работы нет, они на ферме трудятся, ну а харчуются всё равно у нас.

Мужчины немного помолчали, не спеша потягивая травяной напиток. Вкус настоящей заварки из чайных листьев или же натурального кофе здесь помнили, пожалуй, лишь люди преклонного возраста. Тимоха доел хлеб и тоже сидел молча, беззвучно шевеля губами и улыбаясь чему-то своему.

— Ну а ты, Геннадий Сергеевич, ничего подозрительного в селе не замечал? — наконец нарушил тишину Роман.

— Так это… вроде бы ничего, — пожал плечами мельник. — Мне-то особо и некогда по сторонам разглядывать… Работы всегда хватает.

— Ну да, ну да… — покивал головой Соболев. Он допил чай и поднялся. — Ладно, спасибо тебе, Геннадий Сергеевич, пойду я.

Пожав на прощанье хозяину руку, Роман направился к выходу. Тимоха, до сих пор тихонько сидевший за столом с блаженной улыбкой на лице, тоже, будто что-то вспомнив, подхватился со своего места. У самой двери, не успел Рыжий переступить порог, юродивый его догнал и вдруг ни с того ни с сего сильно толкнул руками в спину. Не ожидая такого подвоха, Соболев, словно птица в бреющем полёте, миновал ступеньки и непременно растянулся бы у самого крыльца, если бы в последний момент не успел сгруппироваться и сделать длинный кувырок вперёд. Благо к такого рода неожиданностям его тело было готово и делало всё автоматически.

Роман всегда, особенно в последние годы, спокойно относился ко всему происходящему вокруг. С появлением в его сердце Ангела оно не стало черствее. Просто теперь всё, что не случалось с Рыжим, он рассматривал совсем иначе, более философски. Точно так же он реагировал и на всякие, иногда неадекватные, поступки юродивого. Но сейчас у него внутри всё просто закипело. Вновь вскочив на ноги, Соболев уже было раскрыл рот, чтобы строго отчитать блаженного, однако выразить своё возмущение Тимохе он не успел. В это мгновение, просвистев в воздухе, с противным дребезжанием в деревянной лутке двери завибрировала вонзившаяся в неё стрела.

Глава 3

— Что ж ты, дурачина, твою мать, творишь-то? — послышался из помещения возмущённый голос мельника. Через несколько секунд он и сам появился на крыльце, готовый чуть ли не с кулаками броситься на юродивого. Однако, наткнувшись взглядом на торчащую в двери стрелу, Парфентьев моментально остыл. Кулаки его разжались, а взгляд испуганно заскользил по округе. Тимоха же тем временем, улыбаясь чему-то своему, не спеша побрёл по дороге к выходу со двора, будто ничего и не произошло. — Да что ж это такое творится-то? — вновь подал голос мельник и, уже обращаясь к Рыжему, спросил: — Никак убить вас хотели ироды? Не ушиблись, Роман Игоревич? — Опасливо оглядываясь по сторонам, Парфентьев поспешил к Соболеву.

«Да уж… — подумал Роман, отряхивая с одежды пыль и тоже, будто невзначай, поглядывая вокруг, — не толкни меня Тимоха, и эта стрела в данный момент торчала бы в моей голове».

— Всё нормально, — ответил он Парфентьеву. Немного приведя одежду в надлежащий вид, про себя подумал, что стирать её всё же придётся. Мельник услужливо помог Рыжему смахнуть со спины прилипшие к рубахе во время кувырка соломинки и всякую мелочь от остатков переработки зерна (этого добра во дворе хватало). Покончив с этим делом, Роман, уже не скрывая своего интереса, окинул взглядом окрестности.

Так как мельница располагалась на холме, то единственным местом, откуда хорошо просматривался двор, был большой старый дуб, растущий метрах в двухстах от забора. Он являлся в их селе своего рода старожилом, а потому даже когда остро стоял вопрос с дровами и досками, на общем собрании приняли решение его всё же сохранить. Несмотря на прекрасное зрение, Соболев не смог ничего и никого разглядеть в раскидистых ветвях могучего дерева. Конечно же стрелок, который, несомненно, был отличным и довольно сильным лучником — иначе бы не смог так точно пустить стрелу с такого расстояния, — не будет сидеть и дожидаться, когда его обнаружат. К счастью для Романа, он сделал всего один не очень удачный выстрел, после чего, вероятнее всего, немедленно скрылся.

— Где ж нормально-то? Где ж нормально? — всё не унимался мельник. Он, пытаясь скрыть свой испуг, громко возмущался и суетился вокруг гостя. Трудно было понять, чего Парфентьев боится больше всего: то ли того, что только что могли убить Рыжего, то ли того, что он сам мог попасть в прицел стрелка.

— Геннадий Сергеевич, — как можно спокойнее ответил Роман, — да не переживай ты так. Разберёмся мы с этим бандитом.

— Это же надо! Сколько времени ничего подобного не случалось и вот, на тебе… А вдруг этот ирод опять захочет в вас стрельнуть?

— Ничего, теперь я буду вдвойне осторожнее, так что врасплох он меня не застанет.

— Дай-то Бог, — продолжая хмуриться, произнёс Парфентьев.

Прежде чем пойти осмотреть дерево, на котором мог расположиться лучник, Соболев тщательно обследовал стрелу, выдернув её из дверной коробки. Стрела была обычная и не представляла из себя ничего особенного; определить по её виду хозяина было невозможно. Таких стрел он повидал довольно много, да и у него самого в придачу к луку имелась пара десятков точно таких же.

Сейчас стрелять из лука умеет практически любой житель общины. Сначала, когда стало ясно, что огнестрельное оружие вскоре станет неактуальным, а на первое место выйдет уже подзабытое оружие средневековья, этому ремеслу обучились все мужчины. Именно им в случае серьёзного военного конфликта предстояло быстро пополнить ряды защитников села. Чуть погодя стрельбу из этого вида оружия освоили некоторые женщины и даже дети. Нынче же в

каждой семье имелся лук и порой не один, а учиться из него стрелять начинали ещё в детстве. В школе даже ввели специальный предмет, который так и назывался: «Стрельба из лука».

В данный момент изготовлением такого вида оружия у них в общине занимался оружейник Фёдор Маслюков. Он же изготавливал и стрелы. Имелись, правда, в селе охотники-умельцы, которые всё делали для себя сами, но таких было мало, всего несколько человек на все Кобыльцы. Это, кажущееся на первый взгляд простым и доступным любому мальчишке ремесло, требовало от мастера много времени, знаний и умения, да и материал для изготовления луков требовался не абы какой. Из обычной палки, срубленной поблизости, хороший лук не сварганишь. Так что большинство селян предпочитало заказывать оружие у мастера, нежели возиться самим.

Поскольку стрела, которая чуть было не стала убийцей Рыжего, не представляла из себя ничего особенного, то, стало быть, она была изготовлена именно Маслюковым. Закрыв глаза, Роман сосредоточился на её энергетике, но, сколько ни прислушивался к своим ощущениям, так ничего и не почувствовал. Тёмный — а то, что стрелял именно он, Соболев был уверен на девяносто девять процентов (один процент он всё же оставлял на какую-то нелепую случайность), — вновь тщательно подчистил свой след.

Зажав стрелу в левой руке, Роман протянул правую хозяину дома.

— Спасибо тебе, Геннадий Сергеевич, за чай и гостеприимство, — сказал он. Обменявшись с мельником рукопожатием, Соболев поспешил к дубу, чтобы тщательно обследовать и его. В том, что Тёмный оставил там отпечаток своей энергии, он, конечно, тоже сильно сомневался, но проверить всё равно было нужно — такая у него нынче работа.

— Да чего уж там… — буркнул вдогонку Парфентьев и, проводив гостя взглядом до самых ворот, облегчённо вздохнул. Затем он вновь настороженно огляделся вокруг и поспешил скрыться в помещении мельницы.

Предчувствия Романа не обманули. Несколько раз обойдя вокруг толстого ствола раскидистого дерева, толщина которого в нижней части достигала почти двух его обхватов, он вновь не смог определить, кто именно здесь был. Не найдя никаких следов на земле, которые мог бы оставить стрелок, он осмотрел мощную кору старого дерева. Во многих местах она потрескалась и покрылась мхом. Бережно проведя пальцами по шероховатой поверхности могучего великана, Соболев взял и обнял его руками. В этот момент он мысленно попытался слиться не только с самим стволом, но и проникнуть в сознание дерева. Замерев и почти остановив дыхание, Роман простоял так минут десять, вслушиваясь в загадочный шёпот листвы, тихое бормотание ветра в ветвях и к тому, что сможет сказать ему неслышимый обычным ухом голос дуба. Но, кроме привычных внешних звуков, сельский старожил ничего ему не смог поведать. Молчала и интуиция Рыжего.

Разжав руки и стряхнув прилипший к одежде мох, Соболев огляделся в поисках какого-нибудь односельчанина, который, возможно, что-то или кого-то заметил. Однако улицы были пусты. В рабочее время всё трудоспособное население находилось в своих артелях. Бездельничать в разгар трудового дня могли немногие. Среди них: старые и немощные люди, малые дети, вот он — Роман Соболев, потому что Рыжий, а также те, кто находился на больничном из-за какой-либо травмы. «Да ещё юродивые», — мысленно добавил он в этот список ещё одну категорию освобождённых от работ селян, увидев медленно бредущего по улице Тимоху. Тот широко разбрасывал руки в разные стороны, помогая себе двигаться, а его загорелая лысина поблёскивала в лучах утреннего солнца, как отполированный бильярдный шар.

На несколько секунд Соболев задержал взгляд на калеке. Сегодня тот был олицетворением сплошных загадок и тайн. Сначала он привёл их с Васильевым в музей, директор которого явно хотел что-то скрыть от посторонних глаз, затем оказался на мельнице, где в Романа была выпущена стрела… Как-то в начале своей, так сказать, карьеры Рыжего у Соболева мелькала в голове идея попробовать вылечить юродивого какими-либо магическими методами. Только

до сих пор у него так ничего и не получилось. И не потому, что не смог, а потому, что лишь только он решал свою идею осуществить, как Тимоха вдруг куда-то надолго пропадал. Обладая даром предвидеть события (взять хотя бы его сегодняшний поступок на мельнице), юродивый, видимо, умышленно прятался от Романа, не желая исцеляться. Какими мотивами он руководствовался, оставалось известно лишь одному Богу, но факт оставался фактом.

«Ну, что ж, — подумал Соболев, провожая Тимоху долгим заинтересованным взглядом, — не нужно причинять человеку добро, ежели он того сам не хочет». Больше не желая испытывать судьбу, он не пошёл вслед за юродивым. Когда тот скрылся за ближайшим поворотом, Роман взглянул на небо и, прикинув, который час, не спеша направился к дому оружейника.

— Да, это моя стрела, — произнёс Маслюков, едва взглянув на принесённый ему трофей. Оружейник был худощавым мужчиной за пятьдесят, довольно высокого роста. Его аккуратная бородка была того же цвета, что и длинные русые волосы, заплетённые сзади в косу. До прихода Соболева он, сидя на табуретке у дома, что-то строгал большим, остро отточенным ножом. Оторвавшись от своей работы, оружейник отложил в сторону нож и внимательно взглянул на Рыжего. Прищуренные, словно прицеливающиеся в мишень глаза, ощупали гостя цепким, таким же, как и его сильные пальцы, взглядом. — Только к кому она от меня попала, сказать не смогу, — Фёдор Иванович вернул стрелу Роману и добавил: — Я их вона сколько, почитай каждый день, изготавливаю. — Он кивнул головой в сторону, где стояла невысокая деревянная кадка, из которой выглядывало десятка три новых стрел. — Войны, слава Богу, вроде бы не предвидится, но школьники на уроках по стрельбе много ломают. Приходится делать впрок…

Сказав это, Маслюков, больше не обращая внимания на гостя, продолжил свою работу. Теперь Соболев видел, что оружейник заканчивает изготовление нового лука. Немного подумав и что-то прикинув в уме, Фёдор Иванович поднял вверх готовое древко и придирчиво его осмотрел. Видимо, убедившись, что всё в порядке, мастер достал из-под табурета моток тетивы. На вид новое изделие не отличалось особыми изысками и, похоже, было рассчитано на повседневное пользование. Такие луки применялись и для обучения новичков азам стрельбы из данного вида оружия, и для охоты сельскими жителями. Насколько Роман знал, древко такого лука Маслюков обычно изготавливал из ясеня или акации, которые вырезал в лесу, а тетиву — из сухожилий крупных животных. Луки же, предназначенные для воинов, он в основном делал составными, склеивая их из нескольких слоёв различной древесины. Таким способом достигалась необходимая гибкость, прочность и сила натяжения при относительно небольшой длине самого древка. Если сами луки могли иметь разную длину и изготавливаться из различных материалов, то стрелы были словно близнецы-сёстры, практически не отличимые одна от другой.

Искусство изготовления луков, как и многие другие позабытые древние ремёсла, процветающие на данный момент в общине, невозможно было бы возродить вновь, если бы не способность Рыжих «выуживать» секреты из «архивов» бесконечной сокровищницы знаний, расположенной в ноосфере Земли. Благодаря деду Трофиму — первому появившемуся в Кобыльцах Рыжему, в селе появились артель ткачей, артель пекарей, а также много мастеров-одиночек, изготавливающих более сложные и, можно сказать, эксклюзивные изделия. Способам изготовления луков со стрелами Маслюкова так же в своё время обучил никто иной, как дед Трофим.

С интересом понаблюдав за работой мастера, Соболев попрощался и пошёл в обратном направлении.

— А что, правду люди говорят про то, что Дарья… — крикнул вдогонку оружейник. То ли из суеверного страха, то ли по какой другой причине мужчина, не договорив, прервал свой вопрос.

Но Роман прекрасно его понял. Остановившись, он оглянулся на застывшего в ожидании ответа хозяина дома.

— Правда, Фёдор Иванович. Такими вещами не шутят.

— Так значит, и у нас… — и вновь последние слова словно застряли у оружейника в горле, не желая вылетать изо рта.

Соболев только кивнул в ответ и продолжил путь. Не успел он выйти за двор, как услышал звонкий девичий голос:

— Дядя Рыжий, дядя Рыжий!

Роман вновь остановился, всем телом повернувшись в ту сторону, откуда его звали. Через несколько секунд возле него остановилась запыхавшаяся девчушка лет семи-восьми. Летом, когда в местной школе были каникулы, дети тоже не бездельничали. В зависимости от возраста, силы и смекалки всех учеников распределяли на подсобные работы, которые были им под силу. Соболев уже знал эту девочку. Звали её Юлька, и она работала в правлении общины посыльной. По причине отсутствия телефонов и прочих средств связи для срочной передачи распоряжений, исходящих от председателя или от Совета старейшин, на территории села, как правило, использовались дети-посыльные. Юлька была не только быстрой, но и очень смышлёной девчонкой. Ей никогда не нужно было повторять по нескольку раз то, что требовалось кому-то передать. Она всё запоминала с первого раза и очень редко ошибалась в пересказе.

— Дядя Рыжий, вас срочно вызывают на Совет старейшин, — всё ещё тяжело дыша, закончила фразу девочка.

— Больше ничего не просили передать? — на всякий случай поинтересовался Соболев.

— Неа, больше ничего, — Юлька энергично замотала головой из стороны в сторону.

— Хорошо, спасибо! Скажи, я сейчас иду.

— Угу, — кивнула девчонка и стремглав бросилась назад. Две косички, с вплетёнными в них белыми лентами, болтались из стороны в сторону при каждом шаге юной посыльной. Было видно, что такая работа приносит девочке радость и удовольствие. Роман улыбнулся ей вслед и зашагал в том же направлении.

Когда он вошёл в Красный уголок правления общины, в котором обычно проходили заседания, то увидел, что здесь уже собрался весь состав Совета старейшин. В данный момент в него входили: сам председатель Фёдор Тимофеевич Румянцев, четверо стариков (пятый — Станислав Викторович Морозов — отсутствовал по известной причине), местный священник отец Леонид, в миру Леонид Сергеевич Жулянский, и, наконец, сельский Рыжий. Нынче такой цвет волос имелся лишь у Романа Соболева. Помещение Красного уголка было довольно просторным. Из-за отсутствия привычных секционных стульев, давно пришедших в негодность, и после того, как были убраны атрибуты советской эпохи: бюст Ленина, переходящие знамёна, а также большой ламповый телевизор вместе с тумбой, свободного места стало ещё больше. Когда проводилось большое собрание, то народ просто стоя занимал всё свободное пространство. Единственное, что в Красном уголке сохранилось из былой мебели, — это несколько обычных стульев да солидный длинный стол для президиума, стоящий на небольшом возвышении. Именно за этим столом и на этих стульях для принятия важных решений местного значения и восседал Совет старейшин.

Поздоровавшись, Роман поднялся на возвышение, в былые времена служившее своего рода сценой, и присел на отведённый ему стул. Присутствующие старики почтительно ответили на его приветствие, и только отец Леонид едва заметно и очень сдержанно кивнул. Это был сухощавый старик лет семидесяти, а может, и старше, с небольшой седой бородкой и седыми же волосами до плеч. Одет он был, как и полагается священнослужителям, в чёрную рясу. У него был довольно большой крючковатый нос, испещрённый синеватыми прожилками, густые седые брови, нависающие над строгими серыми глазами, и тонкие, с недовольным изгибом, губы. Несмотря на своенравный характер, в целом отец Леонид был человеком добрым и отзывчивым, за что его и уважали односельчане. И только с Рыжим у него до сих пор сохранялись весьма натянутые отношения.

Соболев, благодаря своему умению хорошо считывать душевное состояние человека, прекрасно видел, что в настоятеле местной церкви постоянно борются два противоречия. С одной стороны, отец Леонид видел, что Рыжий действительно никогда не приносил никакого зла и тем более вреда своим односельчанам. Мало того, при отсутствии в селе серьёзной официальной медицины, Соболев лечил и людей, и скот. Во время засухи, чтобы общине не остаться без урожая, Рыжий мог вызвать дождь, а во время затяжных ливней и сильных ураганов — успокоить разбушевавшуюся стихию. И таких, казалось бы, незначительных мелочей за ним и за его предшественниками накопилось большое количество. За это люди ценили Рыжих, а правление общины раз и навсегда постановило поставить их на довольствие, не обязывая, как прочий народ, где-либо трудиться. С другой же стороны, местный священник был неисправимым ортодоксальным догматиком, не признающим никаких отклонений от сложившихся за столетия канонов церкви. А там с давних пор чёрным по белому было прописано, что все сверхспособности, которые вдруг появляются у людей, — не иначе как от Лукавого. Вот и боролись в душе у отца Леонида эти противоречия, и, похоже, старая ортодоксальная школа всё же одерживала верх и никак не желала мириться с обстоятельствами, возникшими в сложившейся ситуации.

Соболев, ясно понимая, что именно происходит в голове священника, нисколько на него не обижался. Тем более что он своим особым взглядом, как бы это парадоксально ни звучало, не видел у священнослужителя прямую связь с Творцом — такую, какую имел он сам. Роман знал, что во все времена, во всех странах и во всех религиях находились старцы, которые не умом, а сердцем чувствовали Божественное присутствие и старались передать свои чувства другим. На Руси самыми известными из них были Серафим Саровский, Сергий Радонежский, старец Зосима, видевший прошлое и будущее своих посетителей, и многие другие. Отец Леонид же был просто хорошим оратором, черпавшим глубокие религиозные истины не из потока, льющегося напрямую от Творца, а лишь из того, что было почерпнуто им из священных текстов.

— Вы уж извините, Роман Игоревич, что оторвали вас невзначай, — как только Соболев уселся на своё место, обратился к нему Румянцев. — Только нам край нужно обсудить вопросы по семье Морозовых. Вы же понимаете?..

— Да, конечно, — стараясь держаться как можно проще, ответил Роман.

— Дело в том, — продолжил председатель, обращаясь уже ко всем присутствующим, — что, как вы все знаете, в семье Морозовых трудилась только Дарья. Станислав Викторович, конечно, тоже помогал ей по мере сил, но вы же видели, что в последнее время он сильно сдал. — Старики в знак согласия закивали головами, а Румянцев продолжил: — По этому поводу у меня будет такое предложение: поставить на довольствие Машу до её совершеннолетия, то есть на четыре года, ну а Станислава Викторовича — пока он не покинет этот мир. Возражения есть? — председатель обвёл всех испытующим взглядом.

— Всё верно говоришь, Фёдор Тимофеевич, — отозвался один из стариков с большой лысиной и реденьким пушком на голове. Звали его Егор Александрович Грач. Он скользнул глазами по сидевшим за столом мужчинам и, пригладив такую же жиденькую, как и растительность на голове, бородку, деловито добавил: — Кто ж о них ещё позаботится, как не община? А к Маше я предлагаю приставить наставницу из какой-нибудь артели. Хоть бы, например, и из гончарной. Стас говорил, что внучка рисовать любит, вот пусть и учится разрисовывать посуду да прочую мелочь.

— Верно, — вступил в разговор Игнат Аркадьевич Зорин, старик чуть помоложе предыдущего выступающего. — Негоже девчонке без женского внимания расти. Ей уж скоро нужно будет познавать всякие женские премудрости, не Стасу же всё это ей объяснять…

Все остальные одобрительно закивали.

— Тогда решено, — подвёл итог Румянцев.

— Ну, а как же быть с Тёмным, с этим дьявольским отродьем? — поинтересовался вроде бы как у председателя отец Леонид, хотя своими прищуренными глазками пристально смотрел на Романа. — Сможет ли наш Рыжий справиться с такой проблемой?

Старики тоже перевели свои вопросительные взгляды на Соболева. Их, конечно же, этот вопрос интересовал не меньше, чем святого отца.

— Я постараюсь применить все свои возможности, чтобы отыскать его как можно быстрее, — уверенно ответил Роман, хотя на душе у него по этому поводу до сих пор было неспокойно.

— Приложи, приложи… — ухмыльнулся священник и, ещё больше прищурившись, добавил: — Если только не ты сам всё это творишь…

Соболев только укоризненно взглянул на отца Леонида, но ничего не сказал. Меньше всего ему сейчас хотелось встревать в полемику по вопросу Тёмных с человеком, который абсолютно ничего об этом не знает, а свои предположения строит лишь на том, что услышал от далеко не компетентных людей. Правда, в Священном Писании тоже есть упоминания о Сатане, да только все эти книги, хотя, возможно, в целом и не потеряли свою актуальность, были написаны в те времена, когда такого явления, как Рыжие и Тёмные, ещё не существовало. Зато имелась святая инквизиция, беспощадно сжигавшая на кострах всех тех, кто был заподозрен в проявлении магических сил.

— Думаю, что Роман Игоревич справится, — произнёс председатель, проигнорировав выпад священника в сторону Рыжего. У него у самого сердце разрывалось на части от того, что эти два уважаемых и очень важных для общины человека не могут найти общий язык. Румянцев весьма почитал старого священника, так как знал его ещё до разразившегося мирового энергетического катаклизма. По возможности он старался не пропускать воскресные службы и с большим вниманием слушал проповеди отца Леонида, внимая мудрости сказанных им слов. Соболев стал Рыжим всего пару лет назад, но тоже успел сделать очень много полезного. Будучи человеком хозяйственным и дальновидным, Фёдор Тимофеевич прекрасно понимал, что сейчас без Рыжего общине просто не выжить. Возможно, когда-то наступят времена, когда в их помощи уже больше не будет нужды, а пока… — Тем более, — мягко добавил Румянцев, — как вы понимаете, другой альтернативы у нас всё равно нет. Никто из нас не сможет ни опознать Тёмного, ни совладать с ним.

Председатель обвёл взглядом присутствующих на собрании людей. Отец Леонид многозначительно хмыкнул, но остальные старики в молчаливом согласии кивнули седыми головами. Кто-то из них больше поддерживал председателя, а кто-то, как верный прихожанин, был на стороне священника.

— В общем, — подвёл итог Румянцев, предотвращая продолжение дискуссии, — у меня пока всё. Заявки селян на выделение им продуктов и прочих вещей, думаю, можно рассмотреть и завтра. Сейчас мне ещё нужно организовать похороны Дарьи Морозовой. Вы же, святой отец, проведёте обряд? — председатель вопросительно взглянул на священника.

— Непременно, — кивнул головой отец Леонид.

Участники Совета неторопливо поднялись со своих мест. Соболев, как самый молодой, первым покинул Красный уголок и вышел на улицу. Небо было чистым, ни одного облачка, и солнце припекало по-летнему горячо. Вдохнув тёплый, наполненный запахом сухого сена воздух, он не спеша пошёл по дорожке к выходу со двора.

— Напрасно вы, святой отец, так на нашего Рыжего… — с лёгкой укоризной, так чтобы не обидеть, обратился к священнослужителю председатель, когда Роман скрылся за дверью. — Он ведь столько полезного для нас всех делает…

— Полезного, говоришь? — недовольно произнёс отец Леонид. — А известно тебе, откуда он для этого силу эту черпает? Творить чудеса да исцелять может лишь Господь Бог наш да люди, искренне верующие в Него. Все остальные — слуги Сатаны. Это он, рогатый,

не устаёт искушать заблудшие души, которые вместо искренней молитвы Господу да веры во Христа занимаются магией да оккультизмом. Я вот что-то ни разу не видел, чтобы Соболев посещал церковь, тем более исповедовался и причащался. Да и крестик православный он ведь не носит… Так кому он тогда, скажите мне, служит: Господу нашему Иисусу Христу или же дьяволу? — Священник обвёл взглядом задержавшихся в красном уголке стариков и наставительно добавил: — Ох, чувствую я, хлебнём мы ещё лиха от этого рыжего, ой, хлебнём…

Высказав то, что он думает о Рыжем, отец Леонид с чувством исполненного долга зашагал к двери. Вслед за ним устремились и другие старики. Несмотря на возраст, у каждого из них имелось в общине какое-нибудь занятие. Кто-то был занят обучением молодёжи, кто-то в меру возможностей работал руками. Когда все начали выходить на улицу, священник вдруг резко остановился на крыльце, покачнулся и, словно подкошенный, рухнул на доски. От неожиданности никто даже не успел подхватить обмякшее вдруг тело отца Леонида и предупредить падение. Лишь только когда тот распластался на крыльце, они подняли шум.

Тревожные возгласы и призывы о помощи Роман услышал, не дойдя нескольких шагов до калитки. Обернувшись назад, он с удивлением увидел лежащего на крыльце священника и испуганные лица, суетившихся вокруг него стариков.

Глава 4

«Что это с ним? — промелькнула в голове у Соболева тревожная мысль. — Просто внезапный обморок или же опять проделки Тёмного? Пожалуй, что так, ведь будь у отца Леонида какая-то болезнь, я бы почувствовал это ещё во время заседания Совета». Что-то заставило Романа вновь посмотреть в сторону выхода со двора, где густой зелёной стеной росли кусты сирени. И вновь интуиция подала верный сигнал — за кустами мелькнула чья-то тень. Осознание того, что именно этот неизвестный, скрывшийся в зарослях уже давно отцветших кустов, является причиной обморока священника, пришло внезапно. Поняв, что у него есть шанс схватить Тёмного прямо сейчас, Соболев уже хотел было броситься в погоню. Однако он вовремя себя сдержал. Рвани сейчас Рыжий за этой дьявольской тенью, и старики неизвестно что о нём подумали бы. У крыльца лежит в беспамятстве уважаемый человек, а лекарь непонятно по какой причине вдруг даёт дёру. Впрочем, причина, пожалуй, сразу была бы найдена, ведь ещё несколько минут назад все прекрасно слышали, прямо скажем, не слишком дружелюбную беседу между Романом и святым отцом. Тёмный всё рассчитал верно: не сможет лекарь оставить без внимания больного человека. Да и объект нападения выбран как нельзя лучше для того, чтобы посеять сомнения в сердцах пожилых членов Совета старейшин.

Наконец, отбросив последние сомнения, Роман в несколько длинных шагов очутился у всё ещё лежащего без сознания священника. «Э, брат, — мысленно ухмыльнулся он, проведя экспресс-диагностику, — да у тебя пробой в ауре». Теперь уж точно не оставалось никаких сомнений, что это дело рук Тёмного, будь он неладен. В энергетической оболочке отца Леонида, именуемой в народе аурой, в районе солнечного сплетения образовалось маленькое отверстие величиной с горошину. Невидимое обычным глазом повреждение казалось не слишком опасным. Сделай Тёмный всё это немного по-другому: не прилюдно и так, чтобы священник не ощутил боли, то со временем у пострадавшего появилась бы в этом месте какая-нибудь болячка. Что именно? Вариантов было много: от обычной язвы желудка до онкологии, если, конечно, вовремя не обратиться к специалисту. Ну а к единственному знатоку в этой области, то есть к Рыжему, отец Леонид уж точно не пошёл бы.

Учитывая эти обстоятельства, Соболеву ничего не оставалось, кроме как быстренько «залатать» прореху прямо сейчас. На глазах у столпившихся вокруг него стариков и выбежавшего на шум председателя Роман, присев рядом со священником, начал плавно водить рукой над местом пробоя. Через минуту на лице отца Леонида вновь появился румянец, а ещё через несколько секунд он открыл глаза. Всё ещё лёжа на спине, святой отец осмотрел стоящих над ним людей затуманенным, непонимающим взглядом.

— Давайте, я помогу вам встать, — предложил Соболев и попытался помочь священнослужителю подняться.

Однако тот, уставившись на Рыжего будто на прокажённого, яростно отстранил протянутую к нему руку.

— Не прикасайся ко мне, — неожиданно громко вскрикнул отец Леонид, пытаясь самостоятельно подняться с крыльца. — Не трожь меня своими чёрными руками!

Старики, всё ещё стоявшие рядом и видевшие, как Рыжий вернул отца Леонида к жизни, недоумённо переглянулись. А священник тем временем, при помощи одного из них всё же поднявшись на ноги (своих сил у него для этого не хватило), продолжал неистовствовать.

— Это всё ты, это ты! — кричал он, тыча в ничего не понимающего Соболева худым длинным пальцем. — У-у-у, дьявольское отродье. Я знаю, это всё твои бесовские проделки…

— Отец Леонид, успокойтесь, — попытался урезонить не на шутку разошедшегося священника Грач. — Роман Игоревич, наоборот, помог вам.

Однако его слова канули в небытие. Священник ничего не желал слушать в оправдание Рыжего. С его точки зрения всё было предельно просто и ясно: он в очередной раз задел самолюбие Соболева, а тот вместо того, чтобы покаянно выслушать и с уважением принять слова человека в два раза старше его, напустил на него своих бесов. Ну, а чтобы отвести от себя подозрение, внушил окружающим, что якобы пытается помочь…

— Ладно, вы тут решайте, что к чему, а я пойду, — с досадой в голосе сказал Роман. Поднявшись на ноги, он вновь направился в сторону кустов, за которыми несколько минут назад приметил чью-то тень. Отец Леонид ещё кричал ему вслед что-то неприятное, но Соболев его уже не слушал. Пока он шёл к намеченной цели, у него в голове невольно возникло весьма дерзкое предположение, от которого ему даже стало как-то не по себе: а не причастен ли отец Леонид к внезапному исчезновению Петра Касьянова — второго Рыжего, внезапно пропавшего неизвестно где? А что? С его-то нелюбовью к нашему рыжему брату всё возможно, особенно если учесть те слухи, которые в своё время бродили по селу.

Подойдя к растущим у забора кустам, Роман постарался больше не думать о священнике, а сосредоточиться исключительно на энергетике пространства. И это немедленно дало положительный результат. Он заметил среди листвы какой-то небольшой чужеродный предмет, сантиметров восемь-десять в длину. Соболев аккуратно раздвинул ветви и увидел, что это была маленькая соломенная кукла, замотанная в чёрную тряпицу. Она была кем-то аккуратно вставлена в V-образную развилку между двумя ветками. В середине предполагаемого туловища обычной на вид детской игрушки торчала длинная соломинка, символизирующая пронзившее тело копьё. Рыжий сразу смекнул, что это за штуковина и для чего она предназначена. Эти сведения ему в голову тут же привычно пришли из окружающего пространства.

В старину куклы весьма широко использовались всевозможными ведьмами и колдунами для того, чтобы причинить намеченной жертве ту или иную проблему со здоровьем, то есть навести на человека порчу. Достаточно было присвоить такой вот безобидной игрушке имя жертвы, прочесть нужное заклинание и проткнуть её тело иглой, чтобы человек начал болеть и чахнуть. В нынешние времена металлические иглы были в большом дефиците, поэтому недоброжелатель и воспользовался обычной соломинкой, что (судя по произведённому на священника воздействию) тоже прекрасно сработало.

Найденная Романом кукла была явно приготовлена именно для отца Леонида, так как чёрная тряпица, вероятно, означала рясу священника, имеющую такой же цвет. Не прикасаясь к магической игрушке, Соболев пристально взглянул на неё своим особым взглядом. Через несколько мгновений солома начала дымить, а затем, вспыхнув ярким светом, тут же превратилась в пепел. Проследив, как лёгкий серый порошок осыпался на землю, Рыжий удовлетворённо кивнул и, больше не задерживаясь, направился в сторону сельских ворот. Непонятно почему, но именно сейчас он вдруг почувствовал острую необходимость посетить кладбище, на котором покоились его родные.

Чем ближе Роман подходил к воротам, тем гуще была застройка. Строить двухэтажные здания или дома с ещё большим количеством этажей было проблематично. Поэтому, чтобы обеспечить жильём всех желающих, прибывающих в Кобыльцы, пришлось ставить одноэтажные избы практически одна рядом с другой. Когда Рыжий подошёл к тяжёлым деревянным воротам, в последнее время закрывающимся только на ночь, солнце уже перевалило за полдень. У ворот стоял один охранник, второй, видимо, отдыхал в караулке — небольшом домике, пристроенном впритык к стене, окружающей периметр. Надобность в большом количестве дежуривших у ворот часовых отпала не так давно, всего несколько лет назад. У мужчины, стоявшего сейчас на посту, по традиции в руках был старенький, с отполированным до блеска цевьём, АК-74.

Ответив на почтительное приветствие часового, Соболев вышел за ворота. Бросив быстрый взгляд влево, где виднелись новые избы всё ещё продолжающего расти села, он повернул в

противоположную сторону. Здесь дорога не была засыпана гравием, а потому босые ноги мужчины вскоре стали серыми от пыли. Справа от дороги, приближаясь почти вплотную к высокой стене, разросся кустарник; слева начиналось поле, на котором зрела яровая пшеница. Сразу за полем находилось старое кладбище. На нём ещё сохранились памятники, установленные жителями села до появления «Пожирателя энергии». Многие металлические надгробья поржавели и почти сгнили, подвергаясь неблагоприятному воздействию местного климата. Это были могилки тех людей, чьи родственники тоже впоследствии умерли или погибли во время боёв с бандитами. Те же, за которыми до сих пор присматривали, были в основном покрашены чёрной краской, изготавливаемой у них в мыловаренной артели на основе подсолнечного масла. Добавляя в него обычную печную сажу, артельщики получали насыщенный чёрный цвет; при добавлении растёртой в порошок глины краска становилась рыжей.

Особое внимание, конечно, привлекали стелы, сделанные из мраморной крошки. Некоторые, правда, под воздействием солнечных лучей и дождя уже начали разрушаться, но были и ещё хорошо сохранившиеся памятники с выбитыми на них портретами усопших, сопровождаемые красиво исполненными траурными надписями. Всего этого не было на кладбище новом. Там стояли лишь маленькие (для экономии дерева) кресты с небольшими деревянными табличками, на которых были вырезаны фамилии и инициалы усопших, да самые важные в их жизни даты — дата рождения и дата смерти.

Пройдя ещё немного, Роман свернул налево и вскоре остановился у четырёх знакомых до боли могил. Чуть поодаль трудились двое мужчин, монотонно и яростно вонзая лопаты в сухую глинистую почву. «Копают могилу для Дарьи Морозовой», — смекнул Соболев. Специальных работников, как это было во времена электричества, при кладбище не имелось. Теперь, в случае необходимости, председатель лично выделял заведующему погостом необходимое количество людей из тех, кого можно было без каких-либо проблем снять с других работ.

Игнат Колыванов — заведующий последним приютом людских тел, жилистый мужичок маленького роста, заодно исполнял обязанности и планировщика могил, и канцелярского работника. Он должен был не только выбрать место для захоронения, но и занести в свою толстую книгу, сшитую из грубой примитивной бумаги, фамилии новопреставленных. Бывали случаи (особенно в разгар посевной или сбора урожая), когда у председателя просто не было никакой возможности выделить копачей. Тогда заведующему кладбищем ничего не оставалось делать, как самому браться за кайло и лопату.

Мужчины, увидев Рыжего, прекратили копать. Вежливо с ним поздоровавшись, они не спеша выкурили по одной самокрутке, после чего с прежним энтузиазмом взялись за дело.

Расположившись так, чтобы одновременно видеть все четыре могилки, Соболев склонил голову в уважительном безмолвном приветствии. Вновь подняв глаза на четыре креста, которые были выкрашены в привычный чёрный цвет, он поочерёдно перебрал в памяти всех тех, чьи тела сейчас покоились под ними. Вспомнил крепкие мозолистые руки отца и его временами суровый взгляд. Своим крупным телосложением и силой он, Роман, был обязан именно бате. Мать, ростом на две головы ниже своего супруга, до самой смерти никогда не страдала полнотой. В неё пошла и Танюшка — его маленькая курносая дочурка с синими, как небо, глазами, родившаяся в самые тяжёлые годы катаклизма. За всю свою короткую жизнь, в которую уместились неполные восемь лет, она так и не познала настоящего детского счастья и радости.

Вспомнив тот день, когда жизнь медленно покидала тело дочки, а он ничего не мог сделать, на глаза Соболеву навернулись слёзы. Имей Роман тогда хотя бы незначительную часть тех способностей, какие были у него сейчас, он бы ни за что не дал свершиться такой чудовищной несправедливости. Но, видимо, Творец решил всё по-своему, и сейчас уже ничего невозможно было изменить. Интересным было то, что дед Трофим — самый первый Рыжий — умел разговаривать с душами умерших людей. Когда у Романа вдруг тоже изменился цвет волос, у него одной из первых была мысль о том, что он наконец-то сможет вновь услышать голоса

своих родных и, как и прежде, пообщаться с ними. Но увы… Сколько он ни прислушивался, порою даже до боли в голове, к звенящей ночной тишине, так до сих пор ничего и никого не услышал. Видимо, дед Трофим был не только опытным потомственным целителем, получившим этот дар от рождения, но ещё и весьма сильным медиумом.

Рыжий перевёл взгляд с могилки дочери на соседний холмик, под которым было захоронено тело супруги, Любаши. В отличие от него, она практически ничего не помнила о времени, когда на Земле было электричество. Когда произошёл мировой катаклизм, Любаше было чуть больше четырёх лет. Её небольшая семья, так же как и семья Соболевых, в поисках лучшей жизни оказалась в том же самом селе.

Роман грустно улыбнулся, в который раз припомнив обстоятельства, при которых они с Любашей познакомились. Была середина апреля. Вечером, когда уже начало смеркаться, он возвращался с работы домой уставший и злой. Хозяйство, которым руководил бывший номенклатурщик, плохо разбирающийся в сельском хозяйстве, но зато имеющий непомерно раздутое эго, держалось лишь на страхе. Люди ишачили с утра до ночи, получая за свой труд сущие крохи. Из-за боязни лишиться и этого никто не решался сказать вслух хоть слово вопреки порою глупым и бестолковым приказаниям начальства. В тот день Роман в числе небольшой бригады копал траншею под полив, а к вечеру, когда осталось докопать всего несколько метров, оказалось, что рыть нужно было в другом месте. От обиды за бесцельно проделанную работу, на которую было потрачено столько сил и времени и за которую, к тому же, теперь никто им не заплатит, Соболев чуть было не разбил голову бригадиру своей лопатой. Слава Богу, что-то незримое удержало его тогда от этого необдуманного поступка. В сущности ведь, место, где нужно было копать эту злополучную канаву, определял не сам бригадир. Этот, как и множество других таких же нелепых, а по-простому — тупых приказов, отдали сверху.

Сгоряча швырнув свой инструмент в сторону (а после катаклизма старые лопаты стоили очень дорого), Роман в расстроенных чувствах пошёл домой. Тогда-то он и увидел, как двое изрядно подвыпивших мужиков помятого вида насильно тащили в кусты какую-то девушку. Девушка брыкалась и упиралась, но делала всё это молча, словно стесняясь обратить на себя внимание посторонних. Алкоголь в виде самогона в этом селе пили если не все, то многие. Кто от нелёгкой жизни, кто с горя, потеряв родных и близких, а кто просто от нечего делать. Как раз за это вышестоящее начальство никаких наказаний не назначало, а даже наоборот. Создавалось впечатление, что изготовление и употребление сивухи заслуживает одобрения и всякого поощрения. Возможно, так обстояли дела потому, что и сам председатель был далеко не трезвенником, а может, что было более вероятным, он прекрасно понимал: управлять отупевшим от алкоголя стадом гораздо проще, чем трезво мыслящими людьми.

Сначала Соболев остановился в растерянности. По его понятиям, то, что сейчас происходило прямо на его глазах, было ничем иным, как натуральным беспределом. Один насильник, словно почувствовав на себе взгляд, обернулся. Увидев стоявшего невдалеке Романа, он осклабился и вместо того, чтобы отпустить девчонку, гоготнул:

— Чего смотришь, мужик? Хочешь, присоединяйся.

Это была последняя критическая капля: хрупкое душевное равновесие Романа Соболева рухнуло. Забыв про усталость, он, словно бык на красную тряпку, бросился на алкашей. Говорят, что пьяного Бог бережёт и что никакая зараза его не берёт. Возможно, именно это обстоятельство и спасло тогда жизни этим двум несчастным. Дело в том, что Соболев, будучи ещё не обременённым семьёй, в свободное от работы время брал уроки рукопашного боя у бывшего спецназовца дяди Коли. Это был крепко сбитый мужчина в возрасте, прошедший специальную военную операцию на Донбассе, имеющий десяток орденов и медалей и комиссованный из армии по ранению. Дядя Коля не принимал во внимание, что его ученик приходил на тренировку после работы уже уставшим. Он гонял Романа как Сидорову козу, обучая всем премудростям ведения боя как с одним, так и с несколькими противниками. Однако, несмотря на

трудности, Соболев стойко переносил все «издевательства» спецназовца и в дальнейшей своей жизни не раз благодарил своего строгого учителя за его уроки.

Через несколько секунд оба несостоявшихся насильника распростёрлись на земле без сознания рядом с теми самыми кустами, в которых только что хотели совершить своё мерзкое дело. Расправившись с ними, Роман только теперь рассмотрел лицо их жертвы. Круглолицая, с ямочками на щеках и слегка растрёпанными тёмными волосами, девушка не показалась ему испуганной. В её красивых карих глазах, обрамлённых длинными ресницами, читалось скорее удивление, чем страх. Люба (так звали эту девушку) никогда в жизни не видела фильмов про карате, а потому была просто шокирована тем, что, оказывается, можно драться, вовсе не применяя рук. Было похоже, что красиво исполненный правой ногой маваши-гери в голову первому и тут же без остановки уширо-гери в солнечное сплетение второму насильнику поразили и околдовали спасённую «принцессу». В тот вечер она благосклонно позволила своему спасителю проводить её домой, а ещё через некоторое время дала согласие стать его супругой.

Вспомнив свою встречу с будущей женой, Роман тяжело вздохнул и, прогнав накатившую на сердце грусть, взглянул на ясное синее небо. Мужики, копавшие яму под лучами яркого, нещадно палящего солнца, были мокрыми от пота, но Соболеву, благодаря неведомой силе, которую он получил от Ангела, было вполне комфортно. Он, конечно же, в последнее время не трудился с такой интенсивностью, как копачи, но был уверен, что возьмись он сейчас за лопату — всё одно не вспотеет. Заинтересовавшись своим предположением, Роман ещё раз склонил голову, теперь уже в прощальном жесте, и решительно направился к работающим мужчинам.

— Здравствуйте! — сказал он, подойдя ближе.

— И тебе не хворать, Роман Игоревич, — ответил самый старший из копачей, с удовольствием делая паузу в работе. По его пыльному морщинистому лицу и сухощавому голому торсу струйками стекал пот, отчего верхняя часть шароваров была полностью мокрой. Мужчина воспользовался небольшой передышкой, чтобы рукой смахнуть с лица влагу и хлебнуть из глиняного кувшина воды. — Чёрт, уже нагрелась, — недовольно скривился он, сделав маленький глоток. Копач раздосадовано отставил кувшин в сторону.

— Ничего страшного, — весело улыбнулся Рыжий, — сейчас мы это исправим.

Он пару минут подержал руки у стенок стоявшего на земле сосуда, а когда почувствовал исходящую от него прохладу, поднял и протянул копачу. Мужчина с недоверием взял в руки кувшин, но, ощутив, что тот стал холодным, сделал ещё небольшой глоток. Его напарник тоже прекратил копать и, опершись на лопату, с интересом наблюдал, как его товарищ, распробовав вкус охлаждённой и заряженной энергией воды, с наслаждением прильнул к горлышку кувшина.

— Эй, эй, Иваныч! — воскликнул он с некоторым беспокойством. — Ты мне оставь.

— Держи, — копач протянул сосуд коллеге.

Пока тот допивал остатки воды, Соболев подхватил его лопату и принялся за работу.

— Вы это, Роман Игоревич… Может, не надо? — нерешительно запротестовал мужчина, поставив кувшин на землю, но Рыжий только отмахнулся.

— Отдохни, — весело бросил он, вгрызаясь лопатой в глинозём. Нынешние шанцевые инструменты, которые их община приобретала в городе в обмен на свою продукцию, значительно отличались от тех, что были в недалёком прошлом. Так как изготовить сталь нужной марки в силу сложившихся обстоятельств сейчас было просто невозможно, их делали из некачественной низкоуглеродистой стали. Для того чтобы увеличить прочность, лопаты теперь, не только закаляли, но и делали гораздо толще, чем раньше, а потому они были раза в два тяжелее своих предшественниц.

Несмотря на все трудности и несовершенство инструмента, глубина ямы начала быстро увеличиваться. Копачи, удивляясь работоспособности Рыжего, который к тому же ещё и ни капельки не потел, трудились по очереди, сменяя друг друга. Когда же продуктивно работать

двоим в тесной яме стало невозможно, Соболев выдворил помощника на поверхность и закончил копку в одиночестве.

— Вот и всё! — задорно подмигнув работникам, Роман, будто и не устал, ловко выбрался из готовой могилы. Протянув лопату её хозяину, он, насколько было возможно, постарался стряхнуть с одежды прилипшую и засохшую на ней глину.

— Лихо вы, — улыбнулся один из копачей. — Нам самим бы ещё копать и копать… Небось, к своим приходили? — тут же сменил он тему, кивнув головой в сторону могил семьи Соболевых.

— Да, — вмиг посерьёзнев, ответил Роман, и развернулся, чтобы уйти.

Однако, сделав пару шагов, он вдруг вновь остановился, пока ещё не понимая, что именно его к этому побудило. Осмотревшись вокруг, Соболев нашёл взглядом причину своего беспокойства. На одном из крестов «сидела» ещё одна маленькая соломенная куколка. В отличие от предыдущей, никакой одежды на ней не было и в её тельце ничего не встромили. Вот только более детально рассмотреть эту фигурку Роман не успел. Лишь только он к ней начал приближаться, как она, теперь уже без его помощи, внезапно вспыхнула ярким светом и исчезла без следа. Мужики, с интересом наблюдавшие за Рыжим, вздрогнули от неожиданности. Перекрестившись, словно по команде, они побросали свои лопаты в только что вырытую яму и, даже не попрощавшись, чуть ли не бегом заторопились с кладбища. «Ну вот, — с сожалением подумал Соболев, — теперь будет ещё один повод у односельчан посудачить насчёт магических проделок Рыжего. И кое-кто, конечно же, не преминет этим воспользоваться, чтобы ещё раз заклеймить меня печатью дьявола. А эта кукла, скорее всего, была ничем иным, как глазами Тёмного. Своего рода видеокамера, транслирующая передачу с места событий. Ну-ну…»

Роман взглянул вслед быстро удаляющимся фигурам копачей, а затем ещё раз оглянулся вокруг. Больше не заметив ничего, что могло бы привлечь его внимание, он тоже не стал здесь задерживаться. Теперь ему не нужно было гадать, куда именно сейчас идти в продолжение поиска Тёмного: он точно знал, кого нужно повидать и с кем переговорить.

«Кукольная артель», в которой изготавливались детские игрушки и куда направил свои стопы Соболев, располагалась почти на другом конце села. Состояла она всего из двух женщин и нескольких учениц школы, которые занимались любимым делом в свободное от уроков время. Как и многие другие артели с малым количеством работников, она обосновалась прямо в доме самой заведующей. Пятидесятилетняя Алевтина Михайловна Климова была женщиной среднего роста, плотного телосложения и всегда с добродушной улыбкой на смуглом лице. Её взрослый сын несколько лет назад уехал из села искать чего-то лучшего, да, видимо, так и сгинул неизвестно где. Муж Алевтины умер от той же болезни и в то же самое время, что и семья Соболева. После утраты родных женщина, однако, не замкнулась, не потеряла оптимизма, и её душа не зачерствела. Пожалуй, единственное, что напоминало о постигшем её горе, — были добавившиеся морщины на лице да седые волосы, которые Алевтина заплетала в косу, сворачивая её в виде венка вокруг головы. Теперь, когда Климова жила одна, в её доме вполне хватало места и для жилья, и для того, чтобы заниматься своим ремеслом.

С тех пор как жизнь в Кобыльцах начала улучшаться и молодые семьи перестали бояться заводить детей, возник спрос на игрушки для маленьких детей. Тогда-то на Совете старейшин и вспомнили про мастерицу и рукодельницу Алевтину. Её назначили заведующей артелью, а в помощь ей определили ещё одну работницу, имеющую способности к творчеству. Нынче все жители села, особенно самые маленькие, хорошо знали тётю Алю, которая для них была почти волшебницей. Из её умелых добрых рук выходили и замечательные куклы для девочек, и бравые деревянные солдатики разной величины для мальчиков. Благодаря неуёмной фантазии и творческому подходу к своей работе Климова изготавливала практически шедевры из самых

обычных и примитивных материалов. В дело шло всё: от древесины, веток и соломы до обрезков тканей, которыми её снабжала швейная артель.

Войдя в дом и пройдя через тёмные сени, Роман открыл ещё одну дверь. Остановившись у порога гостиной, он осмотрелся. Изба тёти Али ничем особенным не отличалась от множества других таких же в их селе. Простенький стол, пара табуреток, потерявший былую свежесть шкаф с керамической и деревянной посудой… Единственным и главным отличием от других изб было большое множество висевших на стенах и разложенных на полочках всевозможных поделок из дерева.

Из соседней комнаты, которая, видимо, и являлась мастерской, в открытую настежь дверь выглянула девчушка лет семи. У неё было кругленькое веснушчатое личико, большие чёрные глаза и две косички, как и у многих её сверстниц. Увидев Рыжего, глаза девочки то ли от испуга, то ли от удивления расширились ещё больше. Улыбнувшись, Соболев весело подмигнул юной мастерице. Однако та, испугавшись ещё больше, быстро юркнула назад в мастерскую и что-то громко зашептала. Роман знал, что, несмотря на все его добрые дела, детвора в их селе его всё равно немного побаивалась. Не исключено, что их родители, посещающие церковь, рассказывали детям про Рыжих всякие небылицы, которые, в свою очередь, слышали от неутомимого борца с Сатаной отца Леонида.

В мастерской послышались другие приглушённые голоса, какое-то копошение, после чего в дверях показалась сама заведующая артелью.

— Здравствуйте, Алевтина Михайловна, — первым поздоровался Соболев, подходя ближе к женщине. Имея довольно высокий рост, он, пользуясь случаем, бегло осмотрел поверх головы хозяйки и саму мастерскую. Длинные деревянные полки, висевшие в комнате на разных уровнях, были завалены всевозможным, как сказала бы, любящая чистоту и порядок домохозяйка, хламом. Но именно из этого хлама и рождались на свет замечательные творения тёти Али и её помощниц. На одной из полок лежали и сидели уже готовые куклы в нарядных платьях, а так же несколько фигурок лучников в боевом снаряжении. Возле окна расположился длинный стол, за которым на табуретках сидели несколько девочек разного возраста. Все головы, кроме одной, сейчас были повёрнуты к двери, а глаза с интересом осматривали нежданного гостя. Единственной девочкой, которую, казалось, не заинтересовал Рыжий, оказалась Маша Морозова — дочка Дарьи. В отличие от других девчонок, которые перед приходом Соболева были заняты каким-либо делом, её руки были пусты и лежали на коленях, как у послушной ученицы. Красные от слёз и очень грустные глаза девочки безучастно смотрели через открытое окно на улицу.

— Здравствуйте, Роман Игоревич, — немного удивлённо ответила на приветствие Климова и, перехватив взгляд Соболева, пояснила: — Станислав Викторович привёл Машеньку. Попросил, чтобы она посидела в компании. — Оглянувшись на девочку, Алевтина, понизив голос, добавила: — И правильно сделал. Незачем ребёнку смотреть на этот ужас…

Роман был с ней полностью согласен. «Вот и наставница нашлась, — мелькнуло у него в голове, — А старики только сегодня об этом говорили…»

— Так с чем вы к нам пожаловали? — поинтересовалась Климова.

— Я к вам по делу, Алевтина Михайловна.

— Не иначе как игрушку решили заказать? — простодушно предположила женщина, улыбнувшись одними губами. — Так мы для вас без очереди сделаем.

— Да нет, — Роман ответил ей доброй улыбкой, — дело у меня к вам другого характера.

Густые чёрные брови хозяйки дома удивлённо приподнялись, в глазах вспыхнул интерес.

— Я вас слушаю…

— А мы не могли бы с вами поговорить в другом месте? — Соболев многозначительно посмотрел на девчонок, которые, прекратив работу и навострив уши, с любопытством прислушивались к разговору взрослых.

— Да, конечно, — Климова рукой указала на входную дверь. — Девочки, работаем, — с напускной строгостью прикрикнула она на своих помощниц.

Вновь выйдя из прохладной тени комнаты на яркий солнечный свет, Роман на несколько секунд зажмурился. Заведующая артелью сделала то же самое. Когда её глаза немного привыкли к свету, женщина, приподняв голову, устремила на гостя вопросительный взгляд.

— Скажите, Алевтина Михайловна, — больше не теряя времени, начал Соболев, — а не приходилось ли вам в последние дни делать соломенных кукол?

— Соломенных кукол? — вслед за ним повторила Климова. — Мы много делаем кукол из соломы…

— Это такие маленькие куколки, связанные нитками… — Роман двумя пальцами показал приблизительную величину игрушек, которые ему сегодня довелось наблюдать. Конечно, было бы лучше прихватить одну из них, чтобы заведующая артелью могла точно понять, о чём идёт речь, но вот брать в руки магическую вещицу, к тому же, несомненно, обременённую чёрным колдовским заговором, было не только неразумно, но и крайне опасно.

— Нет, — уверенно заявила Алевтина, — таких маленьких мы точно не делали. Такую куколку за пять минут может без проблем изготовить кто угодно, даже ребёнок, так что мы не тратим время на всякие мелочи. Если хотите, можете посмотреть то, что у нас уже готово.

— Нет, спасибо, — немного разочарованно произнёс Соболев. — Может быть, в следующий раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.